

КАРЛ МАРКС.

Тридцать пятый номер «Искры» выходит в свет в день двадцатилетия смерти Карла Маркса, которому и принадлежит в нем первое место.

Если верно то, что великое международное движение пролетариата было самым замечательным общественным явлением девятнадцатого столетия, то нельзя не признать, что основатель Международного Товарищества Рабочих был самым замечательным человеком этого столетия. Борец и мыслитель в одно и то же время, он не только организовал первые кадры международной армии рабочих, но и выковал для нее, в сотрудничестве со своим неизменным другом Фридрихом Энгельсом, то могучее духовное оружие, с помощью которого она уже нанесла множество поражений неприятелю и которое со временем даст ей полную победу. Если социализм стал наукой, то этим мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетарии хорошо понимают теперь, что для окончательного освобождения рабочего класса необходима социальная революция и что эта революция должна быть делом самого рабочего класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазного порядка, то в этом сказывается влияние научного социализма. С точки зрения «практического разума» научный социализм отличается от утопического именно тем, что решительно разоблачает коренные противоречия капиталистического общества и беспощадно обнаруживает всю наивную тщету всех тех, иногда очень остроумных и всегда вполне благожелательных планов общественной реформы, которые предлагались социалистами-утопистами разных школ, как вернейшее средство прекращения борьбы классов и примирения пролетариата с буржуазией. Современный пролетарий, усвоивший теорию научного социализма и остающийся верным ее духу, не может не быть революционером и по логике и по чувству, т. е. не может не принадлежать к самой «опасной» разновидности революционеров.

Марксу досталась великая честь сделаться наиболее ненавистным для буржуазии социалистом девятнадцатого века. Но ему же выпало на долю завидное счастье стать наиболее уважаемым учителем пролетариата той же эпохи. В то время как вокруг него сосредоточивалась злоба эксплуататоров, его имя приобретало все более и более почетную известность в среде эксплуатируемых. И теперь, в начале двадцатого века, сознательные пролетарии всех стран видят в нем своего учителя и гордятся им как одним из самых всеобъемлющих и глубоких умов, одним из самых благородных и самоотверженных характеров, какие только знает история.

«Святой, память которого празднуется первого мая, называется Карл Маркс», — писала одна буржуазная венская

газета в конце апреля 1890 года. И действительно, ежегодная майская демонстрация рабочих всего мира представляет собою величественное, хотя и не предумышленное, чествование памяти гениального человека, программа которого объединила в одно стройное целое повседневную борьбу рабочих за лучшие условия продажи своей рабочей силы с революционной борьбой против существующего экономического строя. Только чествование это не имеет ничего общего с религиозными праздниками; современный пролетариат тем больше чтит своих «святых», чем больше их деятельность способствовала приближению того счастливого времени, когда освобожденное человечество устроит свое царство небесное на земле, а небо предоставит в распоряжение ангелов и птиц...

К числу злых нелепостей, распространявшихся насчет Маркса, принадлежит сказка о том, что автор «Капитала» относился враждебно к русским. На самом деле он ненавидел русский царизм, — всегда игравший гнусную роль международного жандарма, готового давить всякое освободительное движение, где бы оно ни началось.

За всеми серьезными проявлениями внутреннего развития России Маркс следил с таким глубоким интересом и — главное — с таким основательным знанием предмета, какие едва ли можно было встретить у кого-нибудь из его западноевропейских современников. Немецкий рабочий Лесснер рассказывает в своих воспоминаниях о нем, как радовался он появлению русского перевода «Капитала» и как приятно было ему верить, что в России появляются уже люди, способные понимать и распространять идеи научного социализма. Из предисловия к русскому переводу «Манифеста Коммунистической Партии», — подписанного им и Энгельсом, — видно, что сочувствие русским революционерам и нетерпеливое желание поскорее увидеть их победителями приводило его даже к значительной переоценке тогдашнего нашего революционного движения. А какой радушный прием встречали в его гостеприимном доме * русские изгнанники, показывают его отношения к Лопатину¹ и Гартману². Его разлад с Герценом вызван был частью случайным недоразумением, а частью вполне заслуженным недоверием к тому славянофильскому социализму, провозвестником которого в западноевропейской литературе, к сожалению, сделался наш блестящий соотечественник под влиянием тяжелых разочарований 1848—1851 годов. Резкая выходка Маркса против этого славянофильского социализма в первом издании первого тома «Капитала» заслуживает не осуждения, а похвалы, особенно в настоящее время, когда этот социализм возрождается у нас

* Тот же рабочий Лесснер говорит, что дом Маркса «всегда был открыт для всех надежных товарищей».

в виде программы партии так называющихся социалистов-революционеров. Наконец, что касается ожесточенной борьбы Маркса с Бакуниным в Международном Товариществе Рабочих, то она не имеет ни самонаименованного отношения к русскому происхождению этого анархиста и очень просто объясняется непримиримой противоположностью взглядов*. Когда издания группы «Освобождение Труда» положили начало распространению социал-демократических идей между русскими революционерами, Энгельс, в письме к В. И. Засулич, выразил сожаление о том, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словам, радостно приветствовал бы литературное предприятие этой группы. Что же сказал бы великий автор «Капитала», если бы ему довелось дожить до настоящего времени и узнать, что у него есть уже много и много последователей в среде русских рабочих! Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услышать о событиях, подобных недавним событиям в Ростове-на-Дону? В его время русский марксист был редкостью, и передовые русские люди посматривали на эту редкость в лучшем случае с улыбкой добродушного сожаления; теперь идеи Маркса господствуют в русском революционном движении, а те русские революционеры, которые, по старой привычке, отвергают их вполне или отчасти, в действительности давно уже, — и несмотря на свою, по большей части, очень громкую революционную фразеологию, — перестали быть передовыми и незаметно для себя перешли в обширный лагерь отсталых.

Немало пустяков говорилось и повторялось также об его частых полемических стычках с противниками. Миротлюбивые, но недалекие люди объясняли эти стычки его будто бы неудержимой страстью к полемике, которая, в свою очередь, будто бы порождалась его будто бы злым характером. На самом деле, та почти непрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести, особенно в начале своей общественной деятельности, вызывалась не свойствами его личного характера, а общественным значением защищаемой им идеи. Он был одним из первых социалистов, сумевших, и в теории и на практике, всецело стать на точку зрения классовой борьбы и отделить интересы пролетариата от интересов мелкой буржуазии. Неудивительно поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться с теоретиками мелкобуржуазного социализма, очень многочисленными тогда особенно в среде германской «интеллигенции». Прекращение полемики с этими теоретиками означало бы отказ от мысли сплотить пролетариат в особую партию, имеющую свою собственную историческую цель, а не плетущуюся в хвосте мелкой буржуазии. «Наша задача, — говорил журнал Маркса «Новая Рейнская Газета» в апреле 1850 года, — состоит в бес-

* Бывший «марксист», а ныне вульгарный экономист, г. М. Туган-Барановский в своих «Очерках из новейшей истории политической экономии» (стр. 294) повторяет анархическую сплетню о том, что Маркс будто бы содействовал распространению печатной клеветы на Бакунина. Здесь не место разбирать доводы, приводимые обыкновенно в подкрепление этой выдумки. Мы подробно поговорим о них в «Заре», где легкомысленное произведение г. Туган-Барановского получит достойную оценку. Но не мешает заметить, что наш бывший «марксист» вовсе не потрудился подвергнуть критике свои источники. Он голословно повторяет обвинение, которое, не будучи доказано, в свою очередь становится клеветой.

поощающей критике, направляемой даже более против наших мнимых друзей, чем против наших явных врагов; и, занимая такую позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой демократической популярности». Явные враги были менее опасны именно потому, что они уже не могли затемнить классовое самосознание пролетариев, между тем как мелкобуржуазные социалисты с их «внеклассовыми» программами продолжали вести за собой многих и многих рабочих. Борьба с ними была неизбежна, и Маркс вел ее со свойственным ему непоколебимым уменем. Его примера не должны забывать мы, русские социал-демократы, которым приходится действовать при условиях, очень похожих на условия, существовавшие в дореволюционной Германии. Мы, можно сказать, со всех сторон окруженные мелкобуржуазными теоретиками специфического «русского социализма», должны твердо помнить, что интересы пролетариата и нас обязывают беспощадно критиковать наших мнимых друзей, — напр., хорошо известных нашим читателям «соц.-революционеров», — как бы ни возмущала наша беспощадная критика добродушных, но недалеких друзей мира и согласия между различными революционными «фракциями».

Учение Маркса — современная «алгебра революции». Понимание его необходимо для всех тех, которые хотят вести сознательную борьбу с существующим у нас порядком вещей. И это до такой степени верно, что даже многие идеологи русской буржуазии одно время чувствовали потребность сделаться марксистами. Идеи Маркса были незаменимы для них в их борьбе с допотопными теориями народничества, пришедшими в резкое противоречие с новыми экономическими отношениями России. Это хорошо поняли те наши молодые буржуазные идеологи, которые лучше других были знакомы с современной литературой общественных наук. Они стали под знамя марксизма и, борясь под этим знаменем, приобрели довольно громкую известность. А когда народники были разбиты наголову, когда их старозаветные теории превратились в груды безобразных развалин, тогда наши новоявленные марксисты решили, что марксизм уже сделал свое дело и что пора подвергнуть его строгой критике. Эта «критика» совершалась под тем предлогом, что общественная мысль должна идти вперед, но единственным ее результатом оказалось то, что под ее прикрытием наши недавние союзники совершили попытку о движении и расположились на теоретических позициях западно-европейских буржуа социал-реформаторского оттенка. Как ни жалок был этот результат столь крикливо возведенного «критического» похода и как ни тяжело было русским социал-демократам присутствовать при этих «критических» превращениях людей, вместе с которыми они только что выступали против одного общего врага и с которыми они надеялись впоследствии окончательно сбиться, но по зрелом рассуждении они должны были сознаться, что отступление наших неомарксистов на «священную гору» буржуазного реформаторства не только вполне естественно, но еще является косвенным подтверждением правильности выработанного Марксом материалистического понимания истории. В 1895—96 гг. у нас увлекались марксизмом такие лица, которые ни по общественному своему положению, ни по умственному и нравственному своему складу не имели

ничего общего ни с пролетариатом ни с его освободительной борьбой. Одно время на марксизм была мода во всех петербургских канцеляриях. Если бы такое положение дел могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научного социализма ошибались, утверждая, что образ мыслей определяется образом жизни и что высшие классы не могут стать носителями социально-революционных идей нашего времени. Но «критика Маркса», начавшаяся немедленно после того, как закончилась борьба против реакционных стремлений народничества, лишней раз подтвердила, что Маркс и Энгельс были правы: образ мыслей «критиков» определился их общественным положением; восставая против «фанатизма догмы», они в действительности восставали только против социально-революционного содержания марксовой теории. Им нужен был не тот Маркс, который в течение всей своей жизни, — полной труда, борьбы и лишений, — горел священным огнем ненависти против капиталистической эксплуатации: Маркс — вожак революционного пролетариата казался им неприличным и «ненаучным». Им нужен был только тот Маркс, который в «Манифесте Коммунистической Партии» объявил, что он готов поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной в своей борьбе с абсолютной монархией и мелким мещанством. Их интересовала только демократическая половина социально-демократической программы Маркса. Это было как нельзя более естественно; но именно эти совершенно естественные стремления наших «критиков» делали очевидной полную неосновательность всяких расчетов на них, как на социалистов. Их место — в рядах либеральной оппозиции, которой они и дали, — в лице редактора «Освобождения», г. П. Струве, — внимательного, старательного и талантливого литературного выразителя.

Судьба марксовой теории доказывает ее верность. И это не только в России. Известно, что западные ученые долго пренебрегали ею, как неудачным плодом социально-революционного фанатизма, но время шло, и с течением времени делалось все более и более ясным даже и для глаз, смотревших сквозь очки буржуазной ограниченности, что плод социально-революционного фанатизма имеет, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: он дает чрезвычайно плодотворный метод исследования общественной жизни. Чем более подвигалось вперед научное изучение первобытной культуры, истории, права, литературы и искусства, тем плотнее и плотнее подходили исследователи к историческому материализму* несмотря на то, что большинство из них или совсем ничего не знало об исторической теории Маркса, или, как огня, боялось его материалистических, — т. е. в глазах современной буржуазии безнравственных и опасных для общественного спокойствия, — взглядов. И мы видим, что материалистическое объяснение уже начинает приобретать себе в ученом мире право гражданства. Недавно появившееся на английском языке сочинение американского профессора Зелигмана «Экономическое объяснение истории» свидетельствует о том, что официальные жрецы науки понемногу проникаются сознанием великого научного значения исторической теории Маркса.

* Из новейших авторов упомянем Бюхера, фон-дер-Штейнена, Гильдебранда, Эспинаса, Гёрнеса, Фейергерда, Гроссе, Чикотти и целую школу американских этнологов.

Зелигман дает нам понять, между прочим, и те психологические причины, которые препятствовали до сих пор правильному признанию и пониманию этой теории буржуазным ученым миром. Он прямо и откровенно говорит, что ученых пугали социалистические выводы Маркса. И он старается растолковать своим собратьям по науке, что социалистические выводы можно отбросить, усвоив себе только лежащую в их основании историческую теорию. Это остроумное соображение, которое, заметим кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже в «Критич. заметках» г. П. Струве, служит новым доказательством той неновой уже истины, что легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем идеологу буржуазии перейти на точку зрения пролетариата. Маркс был революционером до конца ногтей. Он восставал против бога капитала, как гетевский Прометей восставал против Зевса. И, подобно этому Прометею, он мог сказать о себе, что его задача заключается в воспитании таких людей, которые, умея по-человечески страдать и по-человечески наслаждаться, сумели бы «не уважать тебя», божество, враждебное людям. А буржуазные идеологи именно этому-то божеству и служат. Их задача именно в том и заключается, чтобы отстаивать его права духовным оружием, как полиция и войско поддерживают их оружием холодным и огнестрельным. Признанием буржуазных ученых будет пользоваться только такая теория, которая не покажется им опасной для бога капитала. Ученые Франции и вообще стран французского языка в этом отношении гораздо откровеннее всех других. Так, еще известный Лавелэ³ говорил, что экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначению с тех пор, как легкомысленный Бастиа компрометировал защиту существующего порядка. А совсем недавно А. Бэшо в книге, посвященной французской школе политической экономии, нисколько не конфузясь, оценивал различные экономические учения с той точки зрения, какое из них «дает более действительное оружие противникам социализма». В виду этого понятно, что идеологи буржуазии, усваивающие себе идеи Маркса, непременно будут стоять «под знаком критики». Мера их «критического» отношения к Марксу является мерой несоответствия взглядов этого непримиримого и неутомимого революционера с интересами господствующего класса. Понятно также и то, что последовательно мыслящий буржуа скорее признает верными исторические идеи Маркса, чем его экономическую теорию: исторический материализм легче обезвредить, чем, например, учение о прибавочной стоимости. Это последнее, — которому один из самых выдающихся буржуазных «критиков» Маркса дал выразительное название теории эксплуатации, — навсегда сохранит за собою в образованных и ученых кругах буржуазии репутацию неосновательного. Экономической теории Маркса ученые и образованные буржуа нашего времени предпочитают «субъективную» экономическую теорию, имеющую то хорошее свойство, что явления экономической жизни общества рассматриваются ею вне всякой связи их с его производственными отношениями, в которых коренится источник эксплуатации пролетариата буржуазией и напоминать о которых очень неудобно поэтому теперь, когда классовое самосознание рабочих подвигается вперед такими быстрыми шагами.

Экономические, исторические и философские идеи Маркса могут быть приняты во всей грозной полноте их революционного содержания только идеологами пролетариата, классовый интерес которого связан не с сохранением, а с устранением капиталистического порядка, с социальной революцией...

[Г. Плеханов]

САМОДЕРЖАВИЕ КОЛЕБЛЕТСЯ...

Самодержавие колеблется. Самодержец сам признается в этом публично перед народом. Таково громадное значение царского манифеста от 26 февраля⁴, и никакие условные фразы, никакие оговорки и отговорки, переполняющие манифест, не изменят исторического значения сделанного шага.

Царь начинает по-старому—пока еще по-старому—«божиею милостью»... и кончает полутрусливым, полулицемерным обращением за помощью к людям, облеченным доверием общественным. Царь чувствует уже сам, что безвозвратно проходят те времена, когда могло держаться на Руси правительство божиею милостью, что единственным прочным правительством в России может быть отныне правительство волею народа.

Царь подтверждает свой священный обет хранить вековые устои российской державы. В переводе с казенного на русский язык это значит: хранить самодержавие. Некогда Александр III заявил это не обинуясь и прямо (в манифесте от 29 апреля 1881 года), когда революционное движение шло на убыль и падало. Ныне, когда боевой клич «долой самодержавие» раздается все громче и все внушительнее, Николай II предпочитает

прикрывать свое заявление маленьким фиговым листком и стыдливо ссылаться на незабвенного родителя. Бессмысленная и презренная уловка! Вопрос поставлен прямо и вынесен на улицу: быть или не быть самодержавию. И всякое обещание «реформ», — с позволения сказать, «реформ»! — начинающееся обещанием хранить самодержавие, есть вопиющая ложь, издевка над русским народом. Но нет лучшего повода для всенародного изобличения правительственной власти, как обращение самой этой власти ко всему народу с лицемерными и фальшивыми обещаниями.

Царь говорит (опять-таки с фиговым листком) о революционном движении, жалуясь на то, что «смута» мешает работе над улучшением народного благосостояния, что она волнует умы, что она отрывает народ от производительного труда, что она губит силы, дорогие царскому сердцу, губит молодые силы, необходимые для родины. И вот, так как гибнущие участники революционного движения дороги царскому сердцу, поэтому царь тут же и обещает строго пресекать всякое уклонение от нормального хода общественной жизни, т. е. свирепо преследовать за свободное слово, за рабочие стачки, за народные демонстрации.

Этого довольно... Этого слишком довольно. Иезуитская речь говорит сама за себя. Мы осмелимся только выразить уверенность, что это «царское слово», разойдясь по всем уголкам и захолустьям России, будет самой великолепной агитацией в пользу революционных требований. У кого осталась хоть капля чести, в том это царское слово может вызвать один ответ: требование безусловного и немедленного освобождения всех, отбывающих по суду или без суда, после приговора или до приговора, тюремное заключение, ссылку или арест по

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

IV. Пролетариат и крестьянство «на Западе».

(Продолжение.)

Теперь перенесемся в Италию и посмотрим, как обстоит дело с движением тамошнего крестьянства.

Из очень известной книги Наполеона Колаяни мы узнаем (стр. 19), что «официальной» программой сицилийских рабочих союзов служит «программа итальянских рабочих, программа марксовой школы»*. Надеясь, что это обстоятельство даже расторопным г. Ю. Гардениным не может быть использовано как довод против марксизма. Но ведь тут говорится об официальной программе: ясно, что, по мнению Колаяни, есть еще какая-то другая программа, не признанная вожаками движения, но зато, может быть, более соответствующая взглядам и стремлениям сицилийского крестьянства. Каково же содержание этой программы? Колаяни характеризует ее словами некоего Энея Кавальери, который говорит, что в сущности сицилийские Fasci являются «обществами сопротивления» вроде английских трэд-юнионов (стр. 21). Но что же такое английский трэд-юнион? Это — организация, имеющая целью улучшить положение рабо-

чего как продавца рабочей силы. Если рабочие, принадлежащие к такой организации, не идут в своих стремлениях дальше этой цели, то они тем самым показывают, что ими еще не сознается истинное положение их класса и определяемая этим положением революционная общественная задача. Таких рабочих можно и должно признать людьми ограниченными; но и этим ограниченным людям не следует приписывать таких стремлений, каких они вовсе не имеют: нельзя выставлять их защитниками мелкого производства. «Чистый трэд-юнионист» стоит на пролетарской точке зрения, хотя по свойственной ему близорукости он и не способен охватить своим взглядом всю, открывающуюся оттуда величественную перспективу. Следовательно, даже если Колаяни прав, если «официальная» марксистская программа признавалась только вожаками сицилийских союзов, между тем как масса не шла дальше своеобразного трэд-юнионизма, то и тогда наша «догма» остается неизменной; и тогда мы сохраняем полное право повторить, что в нынешнем обществе движение земледельцев может быть прогрессивным только в том случае, если они покидают точку зрения мелких собственников и переходят на точку зрения пролетариев.

Вообще необходимо помнить, что сицилийское движение может быть названо крестьянским только с большими оговорками. За исключением небольшой береговой полосы, которая идет от Марсалы через Палермо и Мес-

* Il programma della scuola marxista.

политическим и религиозным делам и делам о стачках и сопротивлении властям.

Мы видели, каким двуличным языком говорит царь. Посмотрим теперь, о чем он говорит.

Главным образом о трех предметах. Во-первых, о веротерпимости. Должны быть подтверждены и укреплены наши основные законы, обеспечивающие свободу вероисповедания для всех вероучений. Но православное вероисповедание должно пребыть господствующим. Во-вторых, царь говорит о пересмотре законов, касающихся сельского состояния, об участии в этом пересмотре лиц, пользующихся доверием общества, о совместной работе всех подданных над укреплением нравственных начал в семье, школе и общественной жизни. В-третьих, об облегчении выхода крестьян из их обществ, об освобождении крестьян от стеснительной круговой поруки.

На три заявления, обещания, предложения Николая II русская социал-демократия отвечает тремя требованиями, которые она давно уже выставила, всегда защищала и всеми силами распространяла и которые надо особенно внушительно подтвердить теперь в связи с царским манифестом и в ответ на него.

Во-первых, мы требуем немедленного и безусловного признания законом свободы сходок, свободы печати и амнистии всех «политиков» и всех сектантов. Пока этого не сделано, всякие слова о терпимости, о свободе вероисповедания останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не объявлена свобода сходок, слова и печати, — до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений. Долой цензуру! Долой полицейскую и жандармскую охрану «господствующей

церкви! За эти требования русский сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови.

Во-вторых, мы требуем созыва всенародного Учредительного Собрания, которое должно быть выбрано всеми гражданами без изъятий и которое должно установить в России выборную форму правления. Довольно этой игры в совещания местных людей, в помещичьи парламенты при губернаторах, в представительное правление господ предводителей (а, может быть, и делегатов еще?) дворянства! Довольно уже забавлялось всевластное чиновничество со всякими земствами, как кошка с мышью, то отпуская, то лаская их своими бархатными лапками! Пока не созвано всенародное собрание депутатов, — до тех пор ложью и ложью будут всякие слова о доверии общества, о нравственных началах общественной жизни. До тех пор не ослабнет революционная борьба русского рабочего класса с русским самодержавием.

В-третьих, мы требуем немедленного и безусловного признания законом полной равноправности крестьян со всеми остальными сословиями и созыва крестьянских комитетов для уничтожения всех остатков крепостного права в деревне, для принятия серьезных мер к улучшению положения крестьянства.

Бесправие крестьянства, составляющего девять десятых населения России, не может быть терпимо ни одного дня далее. От этого бесправия страдает и весь рабочий класс и вся страна; на этом бесправии держится вся азиатчина в русской жизни; от этого бесправия проходят бесследно (или со вредом для крестьян) все и всяческие совещания и комиссии. Царь и теперь хочет отделаться прежними «совещаниями» чиновников и дворян, царь говорит даже о «сильной власти» для руководства трудами местных людей. Крестьяне знают

сину до Катании и от Катании до Этны и в которой преобладает мелкая поземельная собственность и полонничество, на всем остальном пространстве «благодатного острова» господствует крупное землевладение и земледельцы являются настоящими пролетариями*. Заметьте еще, что в области, отличающейся преобладанием полонничества и мелкой собственности, союзы были распространены гораздо менее, чем в пролетарских местностях (там же, стр. 59). Это интересное явление, кажется, говорит тоже не против марксизма; вероятно, по этой причине г. Гарденин и не счел нужным довести о нем до сведения своих читателей.

Так называемое крестьянское движение на итальянском полуострове тоже в весьма значительной степени имеет чисто пролетарский характер: союзы крестьян и там чаще всего являются обществами сопротивления, стремящимися обеспечить сельскохозяйственному рабочему возможно более выгодные условия продажи его рабочей силы. В доказательство сошлемся на брошюру Ивана Бономи и Карло Веццани** и на брошюру Джижони Монтемартини***. «Крестьянские» союзы

всего чаще и называются союзами «для улучшения» (условий найма)*.

Обо всем этом г. Ю. Гарденин хранит в своей статье самое глубокое молчание, а редакция «Вестника Русской Революции» тоже не находит нужным сказать по этому поводу хотя бы одно маленькое словечко. Молчаливость доходит у них в этом случае до курьеза, который не мешает отметить.

Желая пристыдить нас той «позицией», которую «заяния в аграрном вопросе» итальянские социалисты, г. Ю. Гарденин указывает на решение, принятое Болонским конгрессом сельских рабочих, состоявшимся в конце 1901 года. Вот какой вид принимает у него это решение:

«принимая во внимание, что, несмотря на очевидные различия, разделяющие земледельческих работников, — трудящихся за плату, трудящихся из доли урожая, мелких арендаторов и мелких крестьян-собственников, — все земледельческие работники подвергаются одинаковой эксплуатации как со стороны частных лиц, так и со стороны государства;

«принимая во внимание, что только деятельность всех эксплуатируемых, основанная на гуманистическом и цивилизирующем принципе солидарности, может обеспечить делу морального, политического и хозяйственного освобождения трудящегося класса достаточную силу и вес,—

* Colajani, «Gei Avvenimenti», pp. 58—65.

** «Il movimento proletario nel mantovano», Milano 1901».

*** «Le leghe di miglioramento fra i contadini nell'oltrepò pavese».

* «Le leghe di miglioramento».

очень хорошо на примере земских начальников, что значит эта «сильная власть». Крестьяне недаром прожили сорок лет нужды, нищеты и постоянного голодания после благодеяния дворянских комитетов. Крестьяне поймут теперь, что всякие «реформы» и улучшения останутся обманом, если они не проведены самими крестьянами же. Крестьяне поймут, — и мы поможем им понять, — что только крестьянские комитеты способны уничтожить действительно не одну круговую поруку, а все и всякие остатки барщины и крепостного права, гнетущие вплоть до двадцатого века десятки миллионов народа. Городским рабочим вполне достаточно свободы сходок и свободы печати: мы уже сумеем использовать эти свободы!! Но крестьянам, разбросанным по захолустьям, забитым и одичалым, этого мало, — и рабочие должны помочь им, должны раз'яснить им, что они неминуемо и неизбежно останутся жалкими рабами, пока не возьмут сами в свои руки своей судьбы, пока не добьются, как первого и основного шага, учреждения крестьянских комитетов для действительно, а не обманного освобождения крестьянства.

Давно уже замечено опытными и умными людьми, что нет опаснее момента для правительства в революционную эпоху, как начало уступок, начало колебаний. Русская политическая жизнь последних лет блестяще подтвердила это. Правительство проявило колебание в вопросе о рабочем движении, дав ход зубатовщине, — и оскандалилось, сыграв прекрасно на-руку революционной агитации. Правительство хотело-было уступить в студенческом вопросе — и оскандалилось, подвинув семимильными шагами революционизирование студенчества. Правительство повторяет теперь тот же прием в широких размерах по отношению ко всем вопросам

внутренней подитики, — и оно неминуемо оскандалится, неминуемо облегчит, усилит и разовьет революционный натиск на самодержавие!

* * *

Нам необходимо еще остановиться на практическом вопросе о том, как воспользоваться царским манифестом 26 февраля для агитации. Русские социал-демократы давно уже давали этот ответ на вопрос о средствах борьбы: организация и агитация, — и их не смущали насмешки наивных людей, находивших это «неопределенным» и считающих «определенными» средствами только выстрелы. И вот в такие моменты, как теперь, когда перед нами внезапно встает такой благодарный, так настоятельно требующий напряжения всех сил повод для всенародной агитации, — в такие минуты особенно чувствуется недочет в этом, попрежнему в этом, все в этом же самом: в организованности, в способности быстро развернуть агитацию.

Но мы еще наверстаем и не раз наверстаем потерянное!

Мы должны прежде всего ответить на манифест 26 февраля листками общерусскими и местными. Если прежде листки выходили по всей Руси в десятках тысяч экземпляров, пусть теперь они будут распространены в миллионах экземпляров, чтобы весь народ узнал ответ русского сознательного пролетариата на царское обращение к народу, чтобы все видели наши определенные, практические требования в сопоставлении с речью царя на ту же тему.

Далее. Мы не должны допустить, чтобы одни только легальные собрания благонамеренных земцев и дворян, купцов и профессоров и пр. и пр. отвечали с благого-

«конгресс сельских работников высказывается за необходимость объединить в одном национальном союзе все кооперативные и профессиональные товарищества: именно организации тех работников, которые охватывают на основе классовой борьбы совокупность следующих трудящихся классов: сельских батраков и чернорабочих, издольщиков, мелких арендаторов и крестьян, если последние самолично обрабатывают свою собственную или арендованную землю» *.

Тут на первый взгляд кажется, что «позиция» итальянских социалистов резко расходится с «позицией» марксистов: мелкие производители должны быть объединены в одном союзе с пролетариями. Но так кажется только на первый взгляд.

Во-первых, г. Гарденин привел неполный текст решения Болонского конгресса. В полном тексте находятся еще следующие очень важные строки: «что касается мелких арендаторов, издольщиков и арендаторов, то их прием в отдельные организации сельскохозяйственных рабочих должен зависеть от того, насколько они заинтересованы в тех улучшениях, которых эти организации добиваются» **.

* «Вестник Русской Революции»; кн. 2-я, стр. 207—208.

** «Quanto ai piccoli fittavoli, mezzadrie proprietari, la loro accettazione nelle singole organizzazioni dei lavoratori della terra deve essere subordinata al fatto che essi siano interessati al miglioramento di quelle categorie cui le dette organizzazioni si riferiscono». «Avanti», 26/XI 1901.

На самом деле выходит, стало быть, так: существуют организации для защиты интересов сельскохозяйственных работников как продавцов рабочей силы; и в эти организации принимаются не только сельские пролетарии, но также и мелкие арендаторы, издольщики и собственники, поскольку они заинтересованы в борьбе этих организаций, т. е. поскольку им самим приходится продавать свою силу. Это совершенно естественно и необходимо. Но те лица, т. е. докладчики Болонского конгресса, которые предложили это решение, отнюдь не смешивали понятие «мелкий крестьянин» с понятием «пролетарий». Если бы они были повинны в таком смешении, то они не сделали бы оговорки, приведенной нами и опущенной г. Гардениным по свойственной ему молчаливости; они не сказали бы, что мелкие собственники и пр. принимаются лишь постольку и т. д.

Во-вторых, дополнение, предложенное Гатти и принятое громадным большинством конгресса, предписывает, чтобы потребительные организации мелких собственников действовали по возможности солидарно с организациями сельскохозяйственных работников, но отдельно от них *. Это дополнение, о котором ни г. Гарденин, ни редакция «Вестника Р. Р.» тоже не сказали ни одного слова, с полной ясностью показывает, что итальянские социалисты очень хорошо понимают, как велика

* «Avanti», No, di 25/XI 1901.

вейным восторгом на манифест 26 февраля. Недостаточно и тех ответов, которые в листках дадут организации социал-демократов. Пусть в каждом кружке, на каждом собрании рабочих вырабатывается свой ответ, подтверждаются формально и торжественно требования социал-демократии. Пусть решения этих рабочих (а если и удастся, и крестьянских) собраний публикуются в местных листках и сообщаются в наши газеты. Пусть все знают, что только ответы самих рабочих и крестьян мы считаем народным ответом. Пусть теперь же начнут готовиться все кружки к тому, чтобы поддержать наши основные требования силою.

Затем, мы не должны допустить, чтобы благодарственные адреса царю вырабатывались на всяких собраниях без противодействия. Довольно уже подделывали русское народное мнение наши гг. либералы! Довольно лгали они, говоря не то, что они думают, говоря не то, что думает вся мыслящая и готовая к борьбе часть народа! Надо стараться проникать в их собрания, заявлять и там, возможно более широко, публично и открыто, свои мнения, свой протест против холопской благодарности, свой настоящий ответ царю, заявлять и распространением листов и, по мере возможности, публичными речами на всяких таких собраниях (хотя бы гг. председатели и пытались остановить такие речи).

Наконец, мы должны стараться вынести ответ рабочих и на улицу, заявить свои требования путем демонстрации, показать открыто численность и силу рабочих, сознательность и решительность их. Пусть предстоящая маевка вместе с общим заявлением наших пролетарских требований будет и особым, специальным, определенным ответом на манифест 26 февраля!

[Н. Ленин]

ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ.

От редакции. Печатаем письмо одного из осужденных в Нижнем-Новгороде рабочих-демонстрантов. Мы не решаемся назвать его имя, чтобы не подвергнуть опасности новых респрессалий со стороны врагов, во власти которых находится ныне наш самоотверженный товарищ. Близкие друзья, без сомнения, и без подписи узнают светлую личность писавшего. Для тех же, кто не знал автора лично, печатаемое здесь письмо явится завещанием всех тех, кто вместе с ним вырван из наших рядов, кто с такой же смелостью и беззаветностью продолжал на скамье подсудимых бороться за дело социал-демократии.

Мы хотели бы сказать несколько слов по поводу взглядов автора на роль подсудимых в политическом процессе. Теперь, когда правительство начало менять свою тактику в политических делах и судебное разбирательство может предстоять каждому социалисту, — весьма важно наметить правильную тактику, которой должны держаться на суде революционеры.

Протест против всякого чиновничьего суда должен быть заявлен нами в каждом отдельном случае — в этом автор прав. Но такой протест не требует «отказа от всякой защиты» и, тем более, от произнесения речей на суде. Наше участие в суде есть продолжение нашей борьбы на воле и, как в этой борьбе мы не ограничиваемся тем, что протестуем, но и разоблачаем в подробностях политику нашего врага и агитируем против него и в пользу наших идей, — так и на суде мы должны активно раскрывать всю гниль царского «правосудия» и развивать нашу программу. Вот почему участие в судебном следствии в целях разоблачения приемов жандармского дознания и пользование правом последнего слова — для защиты своих убеждений, — представляются важным орудием политической борьбы нашей партии, от употребления которого нам не приходится отказываться. Мы укажем здесь на пример такого политического деятеля, как Желябов. В процессе 1 марта Желябов протестовал против самого суда, но это ему не помешало воспользоваться всеми своими правами для продолжения борьбы и в течение судебного следствия и в защитительной речи. И было бы большим уроном для дела, если бы Воеводин, Заломов, Самылин и др. осу-

разница между пролетариями, с одной стороны, и мелкими крестьянами — с другой.

До какой степени ясно они понимают это, — видно из происходивших на Болонском конгрессе прений. Во время этих прений Энрико Ферри⁵ — вождь левого крыла итальянских социалистов — прямо требовал, чтобы мелких собственников совсем не принимали в рабочие организации, а Филиппо Туратти⁶ — вождь правого крыла — хотя и восстал против этого требования, но единственно потому, что, по его словам, мелкий собственник — наполовину рыба, наполовину птица; что иногда в нем преобладает один характер, а иногда — другой и что в каждом данном случае преобладание того или другого характера зависит от местных условий*. Принятое конгрессом решение ближе к «позиции» Туратти. Но эта «позиция» вполне согласна с нашей «догмой». Основная мысль хотя бы наших статей о пролетариате и крестьянстве на Западе именно к тому и сводится, что сельскохозяйственный производитель представляет собою «рыбу», пока имеющиеся у него средства производства обеспечивают ему экономическую самостоятельность, и становится отчасти «птицей», когда оказывается вынужденным время от времени продавать свою рабочую силу. И тогда в нем преобладает то характер «рыбы», то характер «птицы», смотря по тому, в какой мере он

производит самостоятельно и в какой мере ему приходится работать по найму. Кто понял это, тот никогда не скажет, — как это говорят наши так называемые соц.-революционеры, — что мелкий крестьянин и пролетарий принадлежат к одному общественному классу. А именно это и «требуется доказать». Партия, старающаяся отождествить мелкого производителя с пролетарием, есть партия, мешающая пролетариату отделить свою «позицию» от «позиции» мелкой буржуазии. А мешать пролетариату сделать это — значит работать на пользу мелких буржуа и во вред рабочему классу. Поэтому... но вывод ясен даже и для тех, которые были удивлены тем, что «Искра» назвала наших «соц.-революционеров» мелкобуржуазной партией.

[Г. Плеханов]

* Ma in sezione separata da essi.

жденные сошли со сцены, не сказав своих последних агитационных речей. Что касается взгляда тех, которые подчеркивают необходимость «беречь силы для будущего», то само собою разумеется, что руководство исключительно одним этим соображением не может быть признано правильным. На суде революционер представляет, как-никак, перед известной частью общества свою партию и обязан выполнить эту роль с достоинством. Но это, конечно, еще не значит, что революционер при всяких условиях должен идти навстречу обвинению и собственными признаниями выручать судей из затруднительного положения, в какое они часто попадают, благодаря отсутствию материальных улик. А бесцеремонность наших обвинителей такова, что они не отказываются и не будут отказываться от привлечения к суду тех или других лиц на основании одного «внутреннего убеждения». Известно, что в саратовск. процессе одна из обвиняемых была осуждена благодаря тому, что заявила о своей солидарности с товарищами, хотя прокурор отказался от тех данных жандармского дознания, которые только имелись против нее. Очевидно, что в подобных случаях следует добиваться (кассацией) оправдания. Там, где можно суд заставить оправдать обвиняемого за недостатком улик, это должно быть сделано, ибо мы слишком бедны силами, чтобы отдавать их добровольно во власть врага. Дело такта революционера, дело его революционного чутья — понять, когда чисто-юридическая почва самозащиты должна быть покинута...

Мы надеемся, что партия наша займется этим важным вопросом. Пока же пожелаем широкого распространения печатаемому нами письму «из-за решетки», которое не одного молодого борца заразит своим идеалистическим энтузиазмом.

* * *

«Здравствуйте, товарищи! Шлю вам свой горячий привет и лучшие пожелания. Нас долго занимал вопрос о кассации. Думали, что кассация необходима для того, чтобы лишний раз показать, что у нас нет законов, что у нас царит произвол и что даже такое высшее судебное учреждение, как сенат, является простым орудием в руках правительства и что он готов каждую минуту в корень нарушить даже те законы, хранителем которых он является. Разбирая полезность кассации с этой стороны, мы упустили из виду, что она может дурно подействовать на малосознательные массы, которые не смогут разобраться в юридических тонкостях и припишут нам желание, которого у нас нет и не было, а именно желание смягчить свою участь. Подобное последствие, как роняющее настроение, созданное демонстрацией, разумеется, для нас страшно нежелательно, и когда мы лучше разобрались в этом вопросе, то решительно отказались от кассации. Подали кассацию только те лица, которые на суде не признали себя сознательными участниками демонстрации. Не знаю, как вы находите мою речь; я, со своей стороны, очень ею недоволен. Она недостаточно продумана и в некоторых местах прямо натянута. Постараюсь объяснить вам, отчего она вышла у меня неудовлетворительной. Надо вам сказать, что я вообще против тактики, которой мы держались на суде, и примкнул к ней чисто из чувства товарищества. Я сначала вдвоем, а потом один против всех, отстаивал совершенно противоположную тактику. Я настаивал на том, что мы должны отказаться от всякой защиты, что должны сами заявить на суде о том, что не признаем над собою никакого суда, что всякий суд над собой признаем насильем, а судей — простым орудием в руках правительства, которое не останавливается ни перед какими средствами, чтобы сломить своих врагов. Я думал раньше и теперь так думаю, что при такой тактике получилось бы более яркое и сильное впечатление от всего нашего процесса. И мой совет товарищам держаться в будущем подобной тактики. Вам, наверное, интересно знать, как пришлось большинство осужденных теперь к решению говорить на суде и как бы признать законность суда? У нас было три направления: первое, которого я придерживаюсь, я уже описал; второе заключалось в том, что мы, дескать, должны беречь свои силы для будущего и

сделать все от нас зависящее, чтобы получить более мягкое наказание; третьим направлением было то, которого и держались на суде большинство осужденных. Споры, и самых оживленных, конечно, была масса, так что долго не могли притти к какому-нибудь определенному решению. Одно время думали, что само собою выйдет так, что мы окажемся без защитников. Как вам уже известно, в самый разгар наших разногласий у нас произошло столкновение с тюремной администрацией, кончившееся голодовкой. Мы отказались тогда не только от пищи, но и от прогулок и от свиданий, а следовательно, связь наша с внешним миром была нарушена. Для подачи заявления о желании иметь защитника нам дали недельный срок и он мог пройти раньше того времени, когда мы вновь могли бы сноситься с внешним миром. Итак, мы думали, что голодовка затянется и мы не будем иметь возможности снестись с адвокатами и вопрос о защите падет сам собой. Я был отправлен в больницу и попал в тюрьму как раз в последний день срока, в который можно заявить о желании иметь защиту. Прибыв в тюрьму, я узнал, что все уже подали заявления и что, следовательно, в обоих процессах будет защита. Мое предложение было провалено, и я тоже присоединился к остальным. У нас было очень мало времени для того, чтобы как следует обдумать свои речи на суде. Я, например, набросал свою речь в самое последнее время в течение суток. О серьезной ее обработке не могло быть и речи, так как в воскресенье у нас были защитники, с которыми мы провели большую часть дня, а в понедельник нас подняли в четыре часа утра и отвели в суд. Еще одно обстоятельство мне сильно повредило. Защитники уверяли нас, что мы не должны допускать в своих речах никакой резкости и что в противном случае нас совсем могут лишить слова. Разумеется, раз уже мы пригласили защитников и решили говорить на суде, то нам во что бы то ни стало надо было высказаться. Пришлось приспособиться, стараться придать речи более мягкую форму и в то же время все сказать. А знаете вы басню Крылова, в которой говорится: „Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник“? Так и мы до некоторой степени взялись не за свое дело. Где же там у чертей мы привыкли речи говорить, а тут хочешь не хочешь, пришлось говорить! Мне теперь страшно досадно, что я не смог провести свой взгляд на суд и что не употребил все возможные, находящиеся у меня в руках средства. Ну, да теперь уже поздно, — „снявши голову, по волосам не плачут“! Вот если бы снова пришлось нам судиться! Я думаю, что нашим опытом воспользуются другие, идущие за нами.

«Мы теперь вычеркнуты из списка живых и опасаемся, что на менее сознательных рабочих полученное нами наказание произведет дурное впечатление, запугает их до некоторой степени. Я бы дорого дал за то, чтобы опасения эти не оправдались. Там, на воле, все представляется в более ужасном виде. На самом же деле все их наказания — сущие пустяки. Самое большее, что в их власти, это то, что они могут отнять у нас жизнь. Вот если бы они могли отнять у нас наши убеждения, — это было бы действительно ужасно. У нас против наших врагов имеется сильнейшее оружие, — это вера в правоту нашего дела, вера в близкую победу, вера, что на наше место встанут товарищи, более сильные духом, чем мы, вера в то, что с каждым днем число борцов за свободу и справедливость увеличивается и что борцы эти на полдороге не остановятся, доведут свое дело до конца и отдадут всю свою кровь до капли за наше дело. Я скажу вам, что за все время моего сидения в тюрьме ни разу мной не овладела слабость, — напротив, настроение все время повышенное. Я только жалел, что не получил образования, так как образованный человек может сделать гораздо больше, чем малоразвитый, а я чувствую за собой слабость в этом отношении. Я теперь совершенно убедился, что тюрьма не в состоянии сломить ни энергии, ни силы убеждения; она, напротив, закаляет человека, делает его более неприимимым — и я говорю не по теории, а сам на себе испытавши все это. Я жалею об одном: что так мало могу дать нашему родному делу — дать только одну жизнь!.. Я бы пошел теперь на муки, на пытки, а мне дали... всего вечную ссылку.

«Шлю я всем товарищам свой горячий, братский привет. Пусть меня лихом не поминают. Я знаю, что делал много ошибок, знаю, что мной многие были недовольны. Меня можно упрекнуть во многом, но если я и поступал иногда, не согласуясь с мнением своих товарищей, то мной руководило исключительно желание больше сделать для общего великого дела. В этом деле заключается весь смысл, вся цель, все наиболее страстные желания моей жизни.

«Да! Я теперь вычеркнут из жизни! Но пока у меня останется хоть капля крови, во мне не умрет неудержимо-страстное стремление к свободе, не умрет твердая вера в нашу неизбежную победу над врагом. Да! Жизнь идет вперед. Она требует все больше и больше самоотверженности и стойкости у борцов за свободу. И мы пойдем ей навстречу, товарищи; мы отдадим ей все наши лучшие силы без остатка. Счастливы мы, что живем в такое славное время. Нам не приходится искать пути в беспросветном мраке, как приходилось это делать людям, расчищавшим нам путь. Нас не мучают сомнения, то ли дело мы делаем, которое нужно, необходимо для блага народа. Перед нами лежит широкая прямая дорога, в конце которой виден вход в более светлую жизнь. Правда, — на этой дороге много препятствий, но мы польем эту дорогу своею кровью и заполним рывины своими телами, и ничто уже не остановит победного шествия борцов за народное счастье и свободу. Да! счастливы мы, что не родились сотней лет позднее, что имеем возможность отдать свои слабые силы за дело и счастье всего человечества!

«Что еще сказать вам? Я от всей души обнимаю своих товарищей по делу и желаю им больше счастья, больше успеха в их деле. Нравственная связь между нами никогда не порвется, хотя нас будут разделять громадные пространства. Крепко жму руки. Привет вам, смелые сердца!»

[Заломов]

О ДВУЛИКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

Грандиозные митинги, изо дня в день сходящиеся под открытым небом, в виду леса штыков. Тысячи народа, внимающие речам оратора. Громада-толпа, сомкнувшая ряды вокруг тупа товарища. Громада, дерущаяся как лев, ломая казачьи пики, обезоруживая неприятеля...

Мы не знаем в истории нашего движения другого момента, равного — по трагической красоте и историческому смыслу — этой провинциальной стачке!

А между тем посмотрите: ростовская стачка проходит, на добрую долю, мимо сознания современного зрителя. Как напряженно следила оппозиционная Россия 1896 года за всеми перипетиями петербургских событий. Стачка ткачей казалась своего рода откровением, прообразом возможного и близкого освобождения. Рабочий человек стал вдруг *à l'ordre du jour* ⁷, тем магнитом, к которому влекутся сердца и тянутся мысли.

Прошло шесть с половиной лет. Молодое движение разрослось, окрепло. Одинокие когда-то побеги разветвились и покрыли свою сетью Россию. Где только высится фабричное здание и раздастся заводский гудок, там с каждым днем все сильнее шевелится трудящаяся масса и все более разгорается революционный протест. И вот, наконец, эпопея в Ростове...

О происшедшем в Ростове говорят, как и говорят о многом другом в наше богатое новинками время: о сельскохозяйственных комитетах, о воронежских земцах, о выстреле Качура, об амнистии ссыльным студентам. Но странное дело: внимание демократии — вообще взбудораженное — регистрирует наше событие, не связывая с ним каких-либо повышенных надежд.

Почему же? Да потому, что вчерашний «магнит» потерял свою силу, потому что широкие слои интеллигенции, даже революционно-настроенной, ушли из сферы его притяжения. Конечно, пробуждающийся пролетариат — не прежнее неподвижное крестьянство, и ныне переживаемое демократией настроение во многом не походит на старый эпизод интеллигентного отказа от народа. Пролетариата — по нынешним временам — нельзя скинуть со счетов ни одной из разновидностей современных течений. Отсюда неизбежное следствие — специфическая форма новейшего «разочарования»: идея пролетариата, руководящего освободительной борьбой, сменяется идеей освободительной борьбы, в которой пролетариату отведено подчиненное место.

«Культурное и политическое освобождение России не может быть ни исключительно, ни преимущественно делом одного класса, одной партии, одного учения», — говорит демократия устами литературного своего представителя — «разочарованного» г. Струве (см. «Освобождение» № 1).

«Что могут интеллигенция и пролетариат без крестьянства, а тем более вопреки крестьянству?» — спрашивает более активная часть той же демократии, так называемые социалисты-революционеры. И ответ гласит: ничего. Даже и в том случае, если крестьянство останется нейтральным, оно в лице своих сынов, одетых в солдатские мундиры, затушит поднявшийся пожар. Тогда один только «неуловимый и непобедимый» террор, быть может, спасет еще положение (см. «Революц. Россию» № 8, «От крестьянского союза партии социалистов-революционеров»).

Поворот в умах демократии — совершившийся факт. Но подготовлялся этот поворот исподволь, долго, рядом воздействий, бивших в одну точку, изменяя представление демократии о возможном соотношении общественных сил. Демократия весьма скоро заметила начинающееся брожение пролетариата — уже при первых его дебютах. Дебюты поразили ее, но не дали ей разума. Она не понимала и не могла понимать движения, в существенных своих частях невидимого взору стороннего зрителя. Только нарочито острые и сравнительно редкие — особенно в начале движения — моменты выступали на свет широкой общественности. Наоборот, повседневные, будничные факты, те несчетные слагаемые, которые, суммируясь, и составляют душу движения, которые растут и формируют борцов, проходили, не оставляя следов в сознании, или представлялись малоинтересными, стоящими вне связи с основной мечтой демократии. И даже тогда, когда революционно-настроенная часть ее, уже много позже, сделала попытку подойти к рабочим массам, она принесла прежде всего свой груз демократического непонимания. В гордом сознании «революционного превосходства», она сумела лишь сверху вниз взглянуть на всю предшествовавшую ей «муравьиную», «почти культурную», «с двухвершковым размахом» работу и все «формы» многолетней пролетарской «борьбы» — ничто же сумняся — приравнять к «экономизму» *.

У демократии не нашлось элементарных предпосылок для понимания того механизма, при посредстве которого

* См. «Рев. Россию» № 6, ст. «Прежде и теперь», стр. 3 и 4.

совершается рост политического сознания в массах. У нее не оказалось и надлежащего масштаба для определения темпа рабочего движения. Движение выросло ширишь и вглубь, но не произвело еще осязательного для всех эффекта. Рабочий становился с каждым днем все сознательнее, но готовый революционный боец не выходил из него — со вчера на сегодня — как Минерва из Юпитера. Ведь рабочий народ не демократическая интеллигенция, так легко воспламеняющаяся и так же легко потухающая. Идея, чтобы стать достоянием массы, должна войти в плоть и кровь этой массы, ощутиться ею как нечто конкретное. Естественно, что при таких условиях пробуждение рабочего класса казалось нестерпимо медлительным и уже, конечно, не отвечающим на те запросы, которые предъявляла к нему ищущая опоры демократия. Улита едет, когда-то будет! Интерес, первоначально возбужденный пролетариатом, слабел, и надежды, к нему приуроченные, облетали, что засохшие листья, по мере того как демократия сама начала шевелиться, а вновь возникающие центры брожения все более отвлекали к себе внимание. Студенческая среда явилась первым подобным центром. Как и вся демократия, она впитала в себя то возбуждение, которое шло к ней из рядов пролетариата, но, раз впитав, развила его в самостоятельное движение с большой притягательной силой и с долгое время нарастающим влиянием. В противоположность брожению рабочих масс, здесь все было значительно и важно для демократии. Каждый шаг находил себе резонанс, всякая мелочь подхватывалась молвою. Тысячи нитей пролегали между учащейся молодежью и оппозиционно-настроенным обществом. Все было свое, близкое, в чем каждый член этого общества заинтересован кровно, а не только отраженно, через посредство более или менее отдаленных целей. Что дальше, то больше дело молодежи становилось делом всей демократии. Вместе со студентами спустилась демократия на улицу. Вместе со студентами прошла через эволюцию борьбы, обостряющейся и не связанной органически с массами. Вместе болела она и вместе радовалась. Действительные или кажущиеся успехи движения подымали дух демократии, изменяли ее представление о собственных силах, о ее возможном значении.

Правда, полицейские репрессалии сыпались градом. Свободолюбивое студенчество исключалось, сдвигалось в солдаты, ссылалось в Сибирь. И тем не менее в правительственной машине — при полном ходе назад — начинали чувствоваться как бы колебания. После хлещущей нагайки — эра сердечного попечения. Посреди оргии политических процессов — внезапная «амнистия» московским студентам. Враг не только крушит, но и обхаживает; не только куражится властью, но и пускается на военные хитрости — верный симптом не вполне уверенной в себе силы!

Опыт студенческого движения, обнадеживая, казалось, говорил о возможности самостоятельного пути демократического развития. Демократии нет необходимости приспособляться во что бы то ни стало к движению масс и ждать от масс решающего слова. Напротив того, — умело пользуясь массами и развивая в то же время собственную независимую программу действий, демократия скорее всего пристанет к заветной пристани конституционного режима.

И в самом деле, в связи с этим «опытом», привившимся на почве, удобренной разочарованием, стоит появление новейших веяний в русской демократии. Только освободив сознание от угнетающего его призрака пролетарской гегемонии и демократического бессилия, демократия ощутила, наконец, в себе силы — освободить и свою логику из плена социалистической теории.

Вместе с ростом политического возбуждения, шедшего из очагов университетских волнений, демократию все сильнее охватывало равнодушно-скептическое отношение к интересам социалистического развития. Эмансипированному от пролетариата общественному слою не надо было более приспосабливать социалистического учения к потребностям своей психологии. Вступив на путь «самостоятельного» действия, демократия выбрасывала за борт, как ненужный для своего полета балласт, все ранее занимавшие ее положения. Ненавистна, конечно, «ортодоксия»; но излишня, пожалуй, и «критика». Освобожденная демократия не нуждается в ином лозунге, как «бей самодержавие!», и признает лишь веления момента. Вот почему, как последняя переходная ступень к откровенному разрыву с обветшалой традицией, как своего рода приговорительный класс для формирующейся либеральной демократии, начал распространяться и приобретать значение в кругах интеллигенции тот вид покладистого — с позволения сказать — «социализма», который удачно сочетает размашистую революционную внешность — столь существенно необходимую для успеха в наше бурно-подвижное время — с пустопорожним нутром, наполняемым каждым по желанию. Но в то время, когда часть демократии еще хранит — как хранят иногда ни к чему непригодные, но почему-либо памятные вещи — безразличную оболочку социализма — во имя годами закреплявшейся связи между социалистическими тенденциями и революционным настроением русской молодежи, другая ее часть шествует бойко вперед по пути ликвидации старых понятий.

Мы рекомендуем товарищам обратить свое внимание на новейшую *profession de foi*⁸ этой эмансипированной демократии. В 14 № «Освобождения» помещено «Открытое письмо» сосланных в В. Сибирь студентов Москвы и Петербурга, — «всех, за исключением немногих». В этом письме нет, конечно, и зерна социализма, но нет и его суррогатов, зато есть последовательно проведенная точка зрения либеральной демократии, только что произведшей себя — под опьяняющим впечатлением студенческих историй — в «авангард» освободительной борьбы, в «высшего представителя русской культуры».

«Студенческие волнения, — говорит этот примечательный документ, — встряхивают все русское общество от его самых верхних командующих до глубоких и угнетенных слоев; ... Они делаются ярким и истинным выражением общественного мнения. Они приучают общество к тому, что создало славу и свободу Англии, — к мужественной борьбе за поруганное право; они заставляют правительство со скрытою боязнью задуматься над положением дела; они ставят ему преграду в его беспредельном и безудержном самовластии» (курсив наш). «Неумиряющее студенческое движение — одно из лучших средств» к тому, чтобы «дать

понять» правительству «самым решительным образом», что оно должно уступить так или иначе: кто не подчиняется исторической необходимости, тот сметается ею с лица земли».

Интеллигенция — «авангард», народ — «армия» (там же), идущая за ним следом. Такова формула, подсказанная студенческим движением. Народ есть «стихийная могучая сила», без содействия которой не обойтись современному «авангарду», как нельзя войску, осаждающему вражескую крепость, обойтись без «стенбитных машин» и всяческой пиротехники. Народ — разящая дубина, демократическая интеллигенция — рука, направляющая эту дубину. И не только рука, но и самодовлеющий политический фактор, который заставляет правительство с «боязнию» задумываться, который «ставит преграды» его «самовластию», который представляет «одно из лучших средств» «дать понять» правительству о необходимости уступок. А раз это так, отчего бы демократии, отходящей от масс в сферу самостоятельного действия, не усовершенствовать своей «программы» и не применить к противнику тактики, столь свойственной меньшинству, вступившему на путь единоборства? Демократии, увидевшей в студенческих волнениях не больше, не меньше, как «преграду беспредельному и безудержному самовластию», нетрудно притти — рано или поздно — к террористическим выводам.

И она действительно пришла к этим выводам. Зрелище энергичных студенческих групп, действующих на собственный страх и производящих сенсацию в «обществе», создало ту психологическую основу, на которой расцвели террористические надежды демократии. Террор, явившийся в результате переместившегося внимания демократии от пролетарских масс к интеллигентному меньшинству, в свою очередь оказался весьма действительным средством для дальнейшего отвлечения демократии от задач рабочего движения. Не рабочее движение вынесет на плечах своих свободу России, а кучка решительных людей: она — эта кучка — «не позволит проливать народную кровь», она «заступится» за крестьян и рабочих, она «добьется», чтобы рабочее и крестьянское движение могло «свободно развиваться» (слова социалиста-революционера Качура, см. «Р. Р.» № 10).

Наконец, под впечатлением крестьянских бунтов, изменилось у демократии и самое представление массы. Крестьянская масса стала массой по преимуществу. Что значит какие-нибудь сотни тысяч рабочих перед многомиллионной громадой деревенского люда? Рабочий народ незаметно уходил из кругозора демократии, исчезая в необъятном море крестьянских голов, сократившись почти до размеров демократической интеллигенции. Демократия опять, как и в старые годы, связала с крестьянином свои комбинации на будущее. Истинный характер начинающегося движения, цели его и его отношение к борьбе пролетариата — эти вопросы стушевались все перед одним, основным и для демократии единственно важным — перед вопросом о политическом использовании крестьянского движения. Крестьянство — многоголосый хор, солистка — демократия, на фоне вторящего хора поющая собственную арию, — для такого политического сотрудничества годилось даже и стихийное, даже и ма-

лосознательное движение неорганизованных масс и численность крестьянской толпы становилась на первую очередь. Крестьянство приобретало для демократии специфическое значение, и сознательно или бессознательно изменялось отношение демократии к крестьянству. Она заражалась, как и встарь, «народолюбием» и обращалась к давно отвергнутым тезисам, потому что эти тезисы сплетались в ее представлении с возможной ролью крестьянства в предстоящем освобождении. Обрывки омертвелога народничества оживали и завоевывали себе почву в демократии, в среде, где, казалось, еще недавно покончили все расчеты с отжившим учением.

* * *

Мы набросали в предыдущем характеристику поворота, проделанного за последние годы демократией, — от пролетарской борьбы к самостоятельной деятельности. Но сама демократия есть клубок разнородных элементов, объединяемых в одно целое общими чертами социального положения и обусловленной им психологии, с присущими, однако, каждому элементу индивидуальными особенностями, со способностью по-своему реагировать на входящие изменения. Впечатления, вызвавшие демократический поворот, оседали в отдельных слоях демократии, своеобразно преломляясь в каждом из них и создавая то разнообразие форм и оттенков, которыми в настоящий момент так пестрит демократия. Все спутано в этом kaleidoscope, и не сразу улавливает глаз из-за поверхностных и проходящих настроений господствующие тенденции основного процесса. Не улавливает потому, что групповые — официальные — перегородки далеко не во всем совпадают с теми живыми перегородками, которые существуют между отдельными демократическими течениями в действительности, и случайные комбинации сегоднешнего дня передвигают перспективу, сближая разнородное и заставляя являться в различных партийных сочетаниях элементы одной формации. Демократия то еле виднеется, заслоненная фигурой умеренного земца, то утопает в потоках социалистической фразеологии. И все же, в этом хаосе оттенков нетрудно различить две основные разновидности — правый и левый фланги демократии.

Лица свободных профессий — адвокаты, врачи, литераторы, служащие в земских и других общественных учреждениях, — в большинстве поколение 90-х годов, — вот главный контингент демократической правой. В ней много бывших «марксистов» и бывших народников, вообще много бывших людей, растерявших свое credo³, но подхваченных волной возбуждения. Не принимая непосредственного участия в эксплуатации труда капиталом и крестьянина помещиком, эта «правая» готова смотреть на крестьянские волнения подобно тому, как уже раньше смотрела на движение рабочих, — как на серьезное подсобное средство при расшатке самодержавных устоев. Плоть от плоти буржуазного строя, она достаточная, однако, реалистка, чтобы не пугаться и не брать всерьез какого бы то ни было «черного передела» и каких бы то ни было революционных декламаций «социалистов-революционеров»; и настолько в то же время дипломатична, чтобы, сочувствуя террористической сенсации, не подымать щекотливого вопроса о боевых способностях «боевой организации». Не вынося революционную со-

циал-демократию, она чувствует, наоборот, известную близость к так называемым социалистам-революционерам и, свободная от «предрассудков» социализма, проявляет широкую терпимость к этой слабости демократической левой.

Но у нее есть свой путь и своя собственная форма деятельности. Величайший скептик относительно масс, она полна романтизма по отношению к представителям имущих классов. Она верит в конституционную подоплеку будирующего агрария и в современных общественных организациях провидит тот единственный рычаг, который сдвинет самодержавную твердыню, подточенную всенародным движением. Стремясь приспособить к своим целям излюбленных земских людей, она — как истая оппортунистка — приспособляет свои цели к этим людям, и, презрительно косясь на «мавров» социал-демократии*, с восторгом идет на службу к «умеренным» земцам, — в «регистраторы» земской политической мысли**. Фальцетом г. П. Струве она выводит рулады, умильно поглядывая на новых друзей, в ожидании движения воды и ради прекрасных глаз гг. Стаховича и Шипова спешит заранее отречься от первичного требования демократии — от всеобщего избирательного права***.

Если на демократическую правую наложило свою печать поколение 90-х годов, то характеризующими элементами для левой являются те слои интеллигенции, которые родились для сознательной жизни уже в бурный период последних лет, в разгар описанного нами поворота: такова демократия, вовлеченная в круговорот политических интересов недавними событиями, а до этих событий мирно дремавшая по градам и весям, далекая от арены пролетарской борьбы, но близкая запросам провинциального и деревенского укладов; такова же в особенности молодежь, выраставшая в атмосфере университетских волнений, с совершенно определенной ненавистью к самодержавно-полицейскому строю и со столь же неопределенным желанием — всего лучшего для мира.

Слававшаяся в то время, когда события уже следовали за событиями и взволнованное чувство искало немедленного выхода, демократическая левая свободна от теории, которая неизбежно рисуется ей в виде мертвой абстракции, камнем висящей на живом организме борьбы. Она свободна и от идейной преемственности и не ведает даже того, что недавно еще было достоянием всего молодого поколения демократии. Русская демократическая интеллигенция в свое время очень много мудрила над революционным учением пролетариата, но одной стороной этого учения она воспользовалась в полной мере. Вооруженная его аргументацией, она справилась, наконец, с утопизмом, так долго тяготевшим над умами, и поколение, прошедшее через школу марксизма, навсегда застраховало себя от рецидива допотопного народничества.

* «Никогда ни в какой теории я ни в „мавры“, ни в рабы или крепостные не поступал и поступить не был бы способен» (курсив наш), — писал г. Струве в июне 1901 года, раскланиваясь с русской социал-демократией (см. «М. Б.», ст. «Против ортодоксальной нетерпимости»).

** См. «Освобождение» № 1, «От редактора», стр. 6.

*** Статья была уже набрана, когда мы прочли в № 17 «Освоб.» о попытке демократической правой порвать свою компрометирующую связь с гг. Стаховичем и Шиповым. О новом либерально-демократическом курсе скажем в другой раз.

Многие из нынешних представителей демократической правой когда-то проходили эту выучку. Теперь они вельми приспособились и не прочь — при случае — воскурить фимиам тем «общественным соединениям» в крестьянстве, которые так близки душе социал-революционера, и охотно развили бы окрашенную крестьянофильством программу, если бы только испытующий взор Стаховича с компанией, покоясь на них, не прилеплял языка их к гортани. Но все-таки они прошли эту выучку, не все позабыли и уж, конечно, не способны поддаться фантому крестьянского движения, провозвещающего, якобы, демократическую — и совсем «не буржуазную революцию». Другое дело — демократическая левая, новичок на общественной сцене. Но и она, чтобы дойти до положения, в каком она находится в настоящий момент, принимая с благодарностью все, что ни подносится ей приткими перьями социально-революционных писателей, должна была, выйдя из состояния политического небытия, вступить в полосу теоретического детства и беспринципной одичалости.

Только при условии такого «развития» становились возможными разговоры о том, что «ни один класс в России так не подталкивается к чисто политической борьбе, как именно крестьянство», что «экономические интересы крестьянства... все яснее им сознаются и складываются в еще туманном, еще неясном социальном идеале, до известной степени родственном своей тенденцией нашему собственному», что, «погружаясь в глубины крестьянского моря, мы как бы опускаем кристалл революционизма в раствор, пересыщенный для революционной кристаллизации» (см. «От Крестьянского Союза Партии Соц.-Рев.», «Рев. Россия» № 8, стр. 8 и 13).

Все эти «наглядные несообразности» проникают в среду демократической левой, — проникают потому, что представляются производными того пестрого и отнюдь не «догматического» направления, которое господствует над умами, являясь в своем культе террористической борьбы и интеллигентного «авангарда» лишь выражением стихийного освободительного порыва молодой демократии, а в своей идеализации крестьянства — ее вспыхнувшей надеждой на новый операционный базис. Террор и крестьянство — на этих двух устоях покоится идеология демократической левой.

Демократия умеренная и демократия революционно-настроенная — у каждой из них свой практический лозунг, свой излюбленный тактический прием. Они говорят на различных жаргонах и в то время как одна изощряется в дипломатично размеренных речах, другая не устает козырять своей революционностью. Тем не менее противоположности сходятся; подчеркнутые в литературе «противоположности» чувствуют общность той почвы, на которой стоят в действительности. Мы уже видели характерный документ — письмо ссыльных студентов, которому рукоплещет г. Струве за его либерализм и в котором однако так много мотивов, принадлежащих по праву «социально-революционному» писателям. Жизнь сближает отдельные части двуликой демократии и ставит зачастую наблюдателя перед затруднительным вопросом о том, где кончается «социалист-революционер» и где начинается сторонник «Освобождения».

Не так давно, объявляя об издании своей газеты, г. Струве обронил афоризм — об умеренных-отцах и ре-

понять» правительству «самым решительным образом», что оно должно уступить так или иначе: кто не подчиняется исторической необходимости, тот сметается ею с лица земли».

Интеллигенция — «авангард», народ — «армия» (там же), идущая за ним следом. Такова формула, подсказанная студенческим движением. Народ есть «стихийная могучая сила», без содействия которой не обойтись современному «авангарду», как нельзя войску, осаждающему вражескую крепость, обойтись без «стенбитных машин» и всяческой пиротехники. Народ — разящая дубина, демократическая интеллигенция — рука, направляющая эту дубину. И не только рука, но и самодовлеющий политический фактор, который заставляет правительство с «боязнию» задумываться, который «ставит преграды» его «самовластию», который представляет «одно из лучших средств» «дать понять» правительству о необходимости уступок. А раз это так, отчего бы демократии, отходящей от масс в сферу самостоятельного действия, не усовершенствовать своей «программы» и не применить к противнику тактики, столь свойственной меньшинству, вступившему на путь единоборства? Демократии, увидевшей в студенческих волнениях не больше, не меньше, как «преграду беспредельному и безудержному самовластию», нетрудно притти — рано или поздно — к террористическим выводам.

И она действительно пришла к этим выводам. Зрелище энергичных студенческих групп, действующих на собственный страх и производящих сенсацию в «обществе», создало ту психологическую основу, на которой расцвели террористические надежды демократии. Террор, явившийся в результате переместившегося внимания демократии от пролетарских масс к интеллигентному меньшинству, в свою очередь оказался весьма действительным средством для дальнейшего отвлечения демократии от задач рабочего движения. Не рабочее движение вынесет на плечах своих свободу России, а кучка решительных людей: она — эта кучка — «не позволит проливать народную кровь», она «заступится» за крестьян и рабочих, она «добьется», чтобы рабочее и крестьянское движение могло «свободно развиваться» (слова социалиста-революционера Качура, см. «Р. Р.» № 10).

Наконец, под впечатлением крестьянских бунтов, изменилось у демократии и самое представление массы. Крестьянская масса стала массой по преимуществу. Что значат какие-нибудь сотни тысяч рабочих перед многомиллионной громадой деревенского люда? Рабочий народ незаметно уходил из кругозора демократии, исчезая в необъятном море крестьянских голов, сократившись почти до размеров демократической интеллигенции. Демократия опять, как и в старые годы, связала с крестьянином свои комбинации на будущее. Истинный характер начинающегося движения, цели его и его отношение к борьбе пролетариата — эти вопросы стушевались все перед одним, основным и для демократии единственно важным — перед вопросом о политическом использовании крестьянского движения. Крестьянство — многоголосый хор, солистка — демократия, на фоне вторящего хора поющая собственную арию, — для такого политического сотрудничества годилось даже и стихийное, даже и ма-

лосознательное движение неорганизованных масс и численность крестьянской толпы становилась на первую очередь. Крестьянство приобретало для демократии специфическое значение, и сознательно или бессознательно изменялось отношение демократии к крестьянству. Она заражалась, как и встарь, «народолюбием» и обращалась к давно отвергнутым тезисам, потому что эти тезисы сплетались в ее представлении с возможной ролью крестьянства в предстоящем освобождении. Обрывки омертвелога народничества оживали и завоевывали себе почву в демократии, в среде, где, казалось, еще недавно покончили все расчеты с отжившим учением.

* * *

Мы набросали в предыдущем характеристику поворота, проделанного за последние годы демократией, — от пролетарской борьбы к самостоятельной деятельности. Но сама демократия есть клубок разнородных элементов, объединяемых в одно целое общими чертами социального положения и обусловленной им психологии, с присущими, однако, каждому элементу индивидуальными особенностями, со способностью по-своему реагировать на входящие изменения. Впечатления, вызвавшие демократический поворот, оседали в отдельных слоях демократии, своеобразно преломляясь в каждом из них и создавая то разнообразие форм и оттенков, которыми в настоящий момент так пестрит демократия. Все спутано в этом kaleidoscope, и не сразу улавливает глаз из-за поверхностных и проходящих настроений господствующие тенденции основного процесса. Не улавливает потому, что групповые — официальные — перегородки далеко не во всем совпадают с теми живыми перегородками, которые существуют между отдельными демократическими течениями в действительности, и случайные комбинации сегоднешнего дня передвигают перспективу, сближая разнородное и заставляя являться в различных партийных сочетаниях элементы одной формации. Демократия то еле виднеется, заслоненная фигурой умеренного земца, то утопает в потоках социалистической фразеологии. И все же, в этом хаосе оттенков нетрудно различить две основные разновидности — правый и левый фланги демократии.

Лица свободных профессий — адвокаты, врачи, литераторы, служащие в земских и других общественных учреждениях, — в большинстве поколение 90-х годов, — вот главный контингент демократической правой. В ней много бывших «марксистов» и бывших народников, вообще много бывших людей, растерявших свое credo³, но подхваченных волной возбуждения. Не принимая непосредственного участия в эксплуатации труда капиталом и крестьянина помещиком, эта «правая» готова смотреть на крестьянские волнения подобно тому, как уже раньше смотрела на движение рабочих, — как на серьезное подсобное средство при расшатке самодержавных устоев. Плоть от плоти буржуазного строя, она достаточная, однако, реалистка, чтобы не пугаться и не брать всерьез какого бы то ни было «черного передела» и каких бы то ни было революционных декламаций «социалистов-революционеров»; и настолько в то же время дипломатична, чтобы, сочувствуя террористической сенсации, не подымать щекотливого вопроса о боевых способностях «боевой организации». Не вынося революционную со-

пунктом социалистической программы, съезд находит желательным возможно широкую пропаганду социалистических идей среди студентов. Последнее необходимо для ясного понимания роли и степени участия пролетариата в нашем движении. Для лучшего достижения этой цели съезд находит желательным учреждение при всех высших учебных заведениях постоянных организационных комитетов, состоящих в сношениях с местными Комитетами Российской Социал-Демократической Партии, к которым съезд обращается с предложением оказать содействие проектируемым организациям».

И эту резолюцию мы называли политически-целесообразным актом, ибо, поскольку студенчество выступает «на почве борьбы за политическую свободу», оно не может не искать поддержки у революционной партии, которая боролась до него, которая борется впереди него, — поскольку оно вступает в мир социалистических идей, оно не может не искать руководства у партии, опирающейся на принципы научного социализма. Может быть, социалисты-революционеры скажут, что такую политическую поддержку и такое идейное руководство могут представить они сами? Прекрасно! Но ведь этим не обходится вопрос о выборе? Да и нельзя его обойти. Помните, что «революционная партия» — только понятие, только отвлечение. Такой партии нет. Есть партия социал-демократическая, есть партия социалистов-революционеров. Можно «сходиться с обеими партиями на почве борьбы за полит. свободу, но нельзя зараз становиться к обеим в определенные организационные отношения, раз между самими партиями не существует организационной связи. Можно об этом жалеть, можно это порицать, но нельзя это игнорировать. Нельзя забывать, что политический союз — как бы он скромен ни был — налагает на обе стороны определенные политические обязательства. Студенческий съезд вполне правильно поставил вопрос на почву постоянных «сношений», на почву политического союза, сказали бы мы, если б это не было слишком громко. Отсюда он необходимо должен был притти к вопросу: союза — с кем? И политический разум заставил его обратиться в сторону социал-демократии. Прежние студенческие съезды не делали таких разграничений, жалуется «Рев. Росс.» Прежние съезды... Но ведь они происходили до вашего рождения, colega. Тогда не было необходимости выбора, ибо не было возможности выбора. Вас не было. Социал-демократия была одинокой.

Нет, мы совсем не джеки-потрошители всяких «самостоятельных, нам не подчиненных» групп — не пожиратели организаций, основанных на «общестуденческом деле» — «освободительной борьбе с самодержавным режимом». Но мы находим нужным за комбинацией слов искать комбинации понятий. «Борьба с самодержавным режимом»? — несомненно, эта задача лишь с большими оговорками может быть названа «общестуденческим делом». Когда союзные советы обслуживали нужды взаимопомощи студентов, — они не переходили за порог университета. Когда лозунгом организованного студенчества стало требование отмены временных правил или восстановления устава 1863 г., — движение все еще оставалось чисто «академическим». Но репрессии совершали свое

воспитующее дело. Школа русской военной службы сделалась для студента военной школой русской революции. В начале прошлого года движение стало уверенной ногою на революционно-политическую почву. С этого момента оно перестало быть общестуденческим, оно стало общедемократическим. Но оно перестало быть и общестуденческим, так как выступление на широкую арену демократической борьбы было связано с расколом в среде оппозиционного студенчества: «академики» с протестами оставляли сходки, на которых принимались революционно-политические резолюции. И мы спрашиваем нашего грозного, но несправедливого обличителя со страниц «Рев. Росс.»: как он оценивает этот раскол? И какая из расколовшихся сторон играла прогрессивную роль: та ли, которая требовала, чтобы во имя «студенческого дела» студенты не переходили на почву политики и не изменяли «трудному делу солидарной работы», — или другая, с легким сердцем усвоившая «ремесло раз'единений и расколов»? Мы боимся, что этот вопрос может поселить «раскол» даже в девственно-примирительном сердце нашего критика...

Пойдем далее. Киевский Союзный Совет не удержался на голой почве резолюций 1902 г. — да и не мог удержаться: его толкала внутренняя логика революционной работы. Выдвинув радикальную демократическую программу, студенчество стало лицом к лицу с задачами революционной тактики. К этому времени благополучно родилась Боевая Организация, — и студенчеству пришлось решать вопрос о систематическом терроре. Киевский Союзный Совет сказал свое террористическое «да»*. Тем самым он сказал социал-демократии свое «нет». Это его право. Но не перенес ли он «междофракционные» разногласия в «общестуденческое дело»? И мог ли он их не перенести? И нет ли тут ущерба так называемой «дружной и солидарной работе»? Или ущерб устраняется наивно-политиканским заявлением, что «студенчество не может отдавать предпочтения»?..

А сама «Рев. Росс.» — объясняет ли она оберегаемому ею от раскольников студенчеству весь вред террористических тяготений, от них же разделение, раз'единение и дезорганизация, — ибо, насколько известно, террор не составляет «общестуденческого дела»? Нет, не объясняет. Наоборот, она находит, что студенчество «высказало политическое чутье, выдвинув из своей среды героя — Карповича». Конечно, в этой полумистической, полусимволической фразе нет никакого содержания. Но цель ее, разумеется, — поощрить студенчество к дальнейшим проявлениям «политического чутья». Насколько нам известно, террор не принадлежит к тем пунктам революционной тактики, которые способствуют всеобщему «при-

* См. прокламацию Союзного Совета от 3 ноября, в которой повествуется, как «партия соц.-рев., признающая, наряду с другими средствами борьбы, террор, решила выделить из себя «Боевую Организацию», которая занялась бы устранением наиболее вредных представителей правительства»... Совсем как в передовицах «Рев. Росс.». Но любопытно вот что: последний студенческий съезд, искавший сближения с соц.-дем., оказался виновным в том, что «увлекся случайным подбором лиц известного направления на съезде» (№ 17). Не виновен ли в том же и Киевский Союзный Совет? Беспристрастное мнение «Рев. Росс.» значительно помогло бы уяснению этого интересного вопроса.

мирению». Не думает же «Рев. Росс.», что террористическое «чутье» успело сделаться «внефракционным» качеством?

Конечно, не думает — и, тем не менее, выражает надежду, что «социалистическая часть студенчества будет стремиться... чтобы студенчество поддерживало всеми силами все проявления освободительной и (?) революционной борьбы — будут ли то рабочие демонстрации, террористические акты (курсив наш) вроде Карповича или Балмашева и т. п.». Далее, от той же «Рев. Росс.» мы слышали, что «рабочие демонстрации» могут оказывать деморализующее влияние и что до поры до времени их уместно заменить «террористическими актами, вроде Карповича или Балмашева». Социал-демократия этого не думает. Как же быть опекаемому студенчеству, которое не может «отдавать предпочтение»?..

Да, пора читателям «Рев. Росс.» расшифровать немудрые «примирительные» шифры органа «партии соц. рев.». Пора понять, как пустошны, как фальшивы безбрежные речи о «примирении» и «объединении» со стороны тех людей, которые по всей линии ведут ожесточенную борьбу против пролетарского мировоззрения!..

Всюду и везде они стараются сеять скептицизм, голый скептицизм к основам научного социализма и к методам классовой пролетарской борьбы, — и эту свою «критическую» работу они прикрывают глубокомысленно-авторитетными фразами на тему о том, что «самостоятельно выработанные убеждения» важнее «легко наклеиваемых фракционных ярлыков», что «революционные организации (не в пример «Искре») могут приветствовать развитие объединенного студенческого движения» и пр. и пр. По поводу этих банальностей мы можем лишь с недоумением пожать плечами и подивиться, как это мыслящие люди могут не задохнуться в атмосфере, насквозь пропитанной азбучными испарениями?

[Н. Троцкий]

ГОЛОС РАБОЧЕГО.

«Что нам более всего нужно?», под этим заглавием было помещено письмо в изданной ред. «Свободы» брошюре: «Рабочие и интеллигенция». Авторы этого письма стараются доказать необходимость изгнания интеллигенции из рабочей среды и для этого приводят слова Маркса: освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Замечательно то, что многие места самой статьи отрицают смысл всей оной. Возьмем хотя бы слова, которыми она начинается: освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Великолепная мысль! Да, было бы безумием желать, чтобы в рабочем деле принимали участие враги рабочего класса; но это еще не значит, что мы должны выгнать всех тех социалистов, которые не занимаются физическим трудом. Если мы так будем думать, то мы скорее окажемся сектантами, чем социалистами. Мы, как партия социалистов, принимаем всех тех, кто сочувствует нашему делу, мы не хотим знать, к какому классу человек принадлежит по рождению, раз мы знаем, что он социалист. Главная беда в том, что многие не понимают, что такое рабочие и интеллигенция, и проводят резкую грань между ними. Но если мы себе выясним, что под словом «интеллигент» мы не подразумеваем известную форму, оболочку, ярлычок, а сознательного человека, т. е. человека, который мог бы быть руководителем, организатором, агитатором, пропагандистом, тогда мы свободны эту грань можем стереть и закодированное слово «интеллигент», что так пугает питерского корреспондента, игнори-

ровать. Конечно, в нашу среду часто попадают буржуазные интеллигенты, которые действительно не обращают никакого внимания на дело. Но ведь это только волки в овчарне! Но если таковые оказываются в наших центрах, то из этого отнюдь не следует сказать, что мы должны выгнать всех социалистов, которые не имеют мозолей на руках. Напрасно авторы стараются объяснить все наши устройства тем, что в организациях сидят интеллигенты. Если бы авторы обвинительного акта не страдали куриной слепотой, то они весьма легко могли бы убедиться в том, что наша организация получает сильные тормозы не потому, что интеллигенты стоят во главе наших центров, а потому, что мы до сих пор еще находимся на ступени кустарничества, у нас нет надлежащей организации, организация наша не централистическая, а мелко-кустарническая. Но мысль о необходимости централизации расстраивает автору нервы. Он знает, что у нас часто отсутствует необходимая конспирация, он советует комитету действовать особенно осторожно, но это не мешает ему патетически восклицать по адресу сторонников централизации: «Как можно вносить царизм в дело свободы!»

Самый большой грех интеллигентов, по мнению автора письма, состоит в том, что они отрицают самостоятельность рабочих. Но если в этом можно упрекнуть какой-либо из органов, то уж не «Искру» и не «Зарю», ибо кто первый, если не «Искра», указал на необходимость выработать из рабочей среды организаторов, агитаторов, пропагандистов? «Искра» и говорит, что мы должны посвятить все наши силы выработке таких рабочих, которые могли бы с успехом выполнять роль членов комитетов. Кто знает, как сложна работа правильно действующей организации, как многообразны и разнообразны ее функции, тот поймет, что в такой работе, направляемой понимающим свои задачи Комитетом, масса будет принимать самое активное участие. Поставьте правильно конспиративную организацию революционеров, и вам будет нетрудно заботиться о том, чтобы правильно развивалась самостоятельность массы.

Если наши петербургские товарищи настаивают на том, чтобы все конспиративные дела ведала вся масса и все были руководителями, то это только свидетельствует о том, как плохо они знают психологию масс и то, при каких условиях живет русский социалист... Если бы наш грозный судия не смотрел так узко на дело, он бы убедился, что централизация есть дело печальной необходимости.

Пойдем дальше. Наши организации еще слабы, но они уже сила. Все враги рабочего класса боятся их. Поэтому надо стараться укрепить существующие организации, завязать новые, где еще нет их, и стараться связать их в одну рабочую партию. Истина неопровержимая! Но спрашивается: думает ли, работает ли в этом направлении кто-либо из всех органов, кроме «Искры»? Более всего удивительно, что именно те, кто так тонко поняли необходимость сплочения всех групп в одну сплоченную партию, протестуют против постановления о признании «Искры» и «Зари» руководящими органами! Протест их есть только выражение необходимости «нянеч» и «командиров» для них же, в качестве каковых и является почтеннейший Л. Надеждин¹⁰. Поощряемые им, они не стараются вникнуть в суть дела и продолжают кричать (и при этом довольно бессознательно), что мы в настоящее время ни один из существующих органов не можем признать выражающим наше направление и желаем переорганизоваться и выработать собственную программу и устав. Да ведь это ребенок, который, желая показать, что он уже взрослый, одевает сапоги своей няньки и, получая от нее похвалы, не замечает, какие мозоли натер он себе на ногах. Дело это большое и застоя не выносит, — уверяет нас автор письма. Каждый потерянный день много значит, пора нам, как следует, за дело взяться! В этом отношении и я вполне согласен с автором, но не хочу быть так слеп, как он, ибо наше дело, действительно, застоя не выносит, и мы должны принять самые решительные меры. Поэтому каждый честный соц.-дем. должен желать, чтобы во главе наших организаций стояли самые сознательные товарищи, и при этом не спрашивать у них паспорта и не смотреть им на ладони.

Л. Надеждин, как интеллигент, сильно оскорбленный петербургским протестом против интеллигенции вообще,

употребляет всю свою мораль для пристыжения протестующих за узость их понимания, но при этом старается не раздражать капризного ребенка и приобрести его расположение. И вот он ему напевает колыбельную песню на все демагогические мотивы, какие только есть в его распоряжении. Как приятно это ласкает его собственное ухо! И, зажмурив глаза, он не обращает внимания на ту грязь, коей мажет свое собственное лицо. Надеждин, как демагог, улавливает все слабые стороны читателя и желает обратить их в сильное оружие против своих оппонентов, но для приличия делает это так, чтобы не было заметно. Он начинает громить интеллигенцию и между строк вставляет факты в ее оправдание. Потом опять нападает на нее с тылу, желая разбить на-голову, но из великодушия этого не делает, и только так, слегка, толкает ее в загривок и уходит дальше. Главное его стремление — это не подорвать доверия рабочих к интеллигенции, а указать, что если есть такие интеллигенты, которые становятся поперек дороги рабочим, то это — искровцы. И вот он начинает с того, что «Искра», как руководящий орган, ничего не делает в пользу той массы, которую считает главной своей опорой. Новая волна жизни, говорит истинный друг рабочих, начавшись со студенческих беспорядков, подняла дух интеллигенции и в то же время значительно искалечила мысль о самостоятельности рабочих. Рабочая среда, как целое, как-то потускнела, отступила на задний план; ярче стал вырисовываться тот рабочий, который выступает на демонстрациях, т. е. самые интеллигентные рабочие, и на них только обращает внимание! А масса, масса — ничто, масса — пигмей против маленькой кучки сознательных рабочих, — отечески вздыхает Надеждин. И, как видно, для того, чтобы окончательно унизить своего врага, сейчас же приводит конкретные факты, как-то: цитаты из отдельных номеров «Искры». Этим выстрелом, как видно, думал сразить врага в самое сердце. Но, к счастью «Искры», он стрелок довольно неопытный. И если бы Надеждин не увлеклся своей демагогией, он бы убедился, что собственными словами он отрицает самого себя. Когда в «Искре» появилась заметка о том, что «Искра» назначается для более или менее интеллигентных рабочих, а для серой массы существует апитационная литература, в виде листов, брошюр и т. п., то Надеждин с иронией подчеркнул: и является руководящим органом рабочей партии! Словом, он из кожи лезет вон, чтобы доказать, что «Искра» существует только для интеллигенции, но ничуть не для рабочих, и продолжает вопрошать: что за странное разделение рабочих на понимающих достаточно сложную для понимания интеллигентскую «Искру» и на ничего не читавших. Это-де полное незнание рабочей среды, незнание того, что в ней существует очень обширный слой, берущий и из библиотек, и у знакомых, и покупающий всякие, какие придется, книги и газеты. Этот слой достаточно развит, у него много запросов, и с ним надо говорить серьезным языком. Но если так, о мудрейший философ, если у нас, действительно, есть такой слой развитых рабочих (и притом еще довольно обширный), то к чему же кричать до изнеможения, что «Искра» никак не может быть понята рабочими!? Для рабочих-середняков, говорит автор в своей заметке, нужна своя толковая, ясная литература, и для подкрепления этого факта прибавляет, что «Искра» навязывает рабочим думы о каких-то университетах, земствах, земских статистиках и еще о каких-то учреждениях. Надеюсь, что читатель поймет, какая здесь бессознательная ирония. Если не забыть, что мы, как общественное целое, не можем рассчитывать на успех до тех пор, пока мы не будем критически относиться ко всем общественным явлениям, т. е. пока мы не будем сознательно понимать отношение одних классов к другим и все в совокупности по отношению к рабочим, — то отсюда будет ясно, почему «Искра» обличает все общественные явления и всю закулисную жизнь. И рабочий это читает с жадностью, и часто, слишком часто чувствуется недостаток в таком материале: как видно, рабочие лучше понимают, что им нужно, нежели Надеждин. Мы, которые стремимся к социализму, должны всколыхнуть народное море, нашими могучими волнами мы должны давить всей тяжестью на исторический мол. Но не философией, не астрономией мы достигнем этого; для этого мы должны беспрестанно будить народные массы, каждое обществен-

ное явление показать в полном его виде, и чем интенсивнее будет наша работа в этом направлении, тем шире будет наш авангард, тем больше шансов у нас на успех. «Искра», и никто другой, задалась этой целью...

При таких обстоятельствах ясно, что наша работа становится все сложнее и сложнее, все больше чувствуется недостаток в руководящих силах, и поэтому-то «Искра» обращает внимание на наиболее способных рабочих, и если наш друг рабочих плачет над этим, то это еще раз доказывает, как мало он понимает интересы нашего дела. И, кажется, нелишними будут слова: «избави нас, боже, от друзей, а с врагами мы и сами справимся».

Одесский рабочий.

* * *

Выше мы поместили письмо одесского рабочего по поводу брошюры «Рабочие и интеллигенция» (повидимому, это не что иное, как пресловутое приложение к «Откликам»). Той же брошюре посвящена передовая статья № 11 «Южного Рабочего», озаглавленная: «Дело освобождения рабочего класса должно быть делом самих рабочих». Разъяснив значение этого девиза социалистического движения, редакция спрашивает тех, кто, как авторы известного петербургского воззвания, все употребляют эти слова: «Зачем же вы делаете из них такое употребление? зачем вы злоупотребляете дорогим для нас всех именем? Рабочий класс должен взять свою судьбу в свои руки. Рабочий класс... понимаете, а не вы: Иван, Степан и т. д., — остроумно возражает редакция той группе, которая вообразила, что противопоставление рабочего класса буржуазии можно подменить противопоставлением социалиста-рабочего социалисту-интеллигенту.

«В рабочем классе, — говорится далее, — пробуждается стремление к самостоятельности: он сознает себя гражданином, человеком; но пути нашего самодержавного режима не дают выхода этим стремлениям. И прекрасно! Столкните рабочий класс с этими путями, и он разорвет их. Обостряйте это противоречие. А вы... что вы предлагаете? Вы предлагаете создать какие-то мифические рабочие организации, которые могут в лучшем случае охватить сотни сознательных рабочих, и думаете, что вы призвали к „самостоятельности“ рабочий „класс“. Другие из ваших единомышленников предлагают всем рабочим объединиться в кассы, внося „хоть две копейки с заработанного рубля“. Вы, сами того не зная, играете на руку врагам, так как вместо обострения противоречий, вместо того, чтобы заставить рабочий класс почувствовать во всей силе удары бьющих его по ногам оков, вы затуманиваете ему глаза какой-то мнимой „самостоятельностью“. Или вы действительно настолько наивны, что думаете объединить значительную часть русского пролетариата в тайное общество?»

Призывая к работе над организацией партии, редакция замечает по поводу нападок на «Что делать?» Ленина: «К сожалению, его (Ленина) не только не поняли многие из массы действующих товарищей, но даже такие, которые претендуют на руководящую роль. Многие приписывали Ленину и его товарищам свои собственные желания и мышления. Нас глубоко возмущают все те разговоры о командовании и диктатуре, которые всегда на устах господ из „Борьбы“ и отчасти Надеждиных и родственного им автора статьи в брошюре „Рабочие и интеллигенция“... Бросьте всякие неприличные фразы о командовании, так как в данном случае они более оскорбительны для производящих, чем для того, против кого они направлены. Вашей свободе не угрожает ни малейшая опасность».

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Нами получена вышедшая в России в декабре печатная прокламация «К офицерам», за подписью «Военно-Революционная Организация». Приводим целиком текст прокламации для того, чтобы товарищи, имеющие к этому возмож-

ность, ознакомили с нею (напр., путем воспроизведения) те военные круги, в которых ее не удалось распространить издателям.

«События последних лет, совершившиеся в нашем отечестве, указывают, что революционное движение широкой волной охватило все слои русского общества. Явление это не новое и за последние десятилетия выросло только его размеры, изменились формы борьбы. Причины его коренятся в тех ненормальностях, которые мы получили по наследству от крепостного права, и тех, которые создала современность. Самым вредным и крупным пережитком «добраго старого времени», в устранении которого заинтересованы все элементы нашего общества, является самодержавная власть, опирающаяся на невежество, произвол и насилие, враждебная всякому свободному культурному развитию».

«В „эпоху великих иллюзий“, когда Россия переживала еще медовый месяц своей „свободы“ от крепостного права; когда общество еще ждало многого от правительства, выступившего в роли „освободителя“, — недовольство самодержавным режимом не могло захватить широких кругов населения; противоречия его с новым нарождающимся укладом жизни были понятны только тем, кто на себе чувствовал их тяжесть; поэтому и борьба с самодержавием носила характер героической схватки сравнительно немногочисленной группы интеллигентов, ряды которой пополнялись отдельными личностями из другой среды, яснее других сознавшими и почувствовавшими всю неправду, вносимую в жизнь деспотизмом царской власти. Время изменило условия и характер борьбы и вовлекло в нее широкие массы: усложнились экономические, а с ними и правовые отношения, народились новые общественные классы, и перед русской жизнью все настойчивее и неотложнее встает вопрос о необходимости гражданской свободы и законного правопорядка. Абсолютизм, исконный враг этих начал общественной жизни, неизбежно должен был восстановить против себя все слои населения, даже те общественные группы, которые пользовались поддержкой правительства и были до настоящего времени его верными союзниками. Сознание необходимости человеческих прав побороло суеверие о святости самодержавия, проникло в народную среду; недовольство формулируется и вырастает в ненависть, протест из стихийного становится организованным, борьба принимает массовый и планомерный характер, а правительство своими жестокими мероприятиями и тупым упрямством вносит в борьбу все более озлобления и страстности».

«Бесправная, невежественная крестьянская масса, отданная во власть помещиков и администрации, выносящая на своих плечах весь многомиллионный бюджет, страдающая от малоземелья, изнуренная голодовками, просыпается, тянется к свету, к знанию, предъявляет права на человеческое существование и протестует против общественной неурядицы. Последние события в Харьковской и Полтавской губерниях, нашедшие отклик во многих губерниях, особенно на Юге, указывают на размеры этого протеста и на его характер; зверская расправа правительства над участниками крестьянских волнений окончательно разбила жалкий остаток мужицких иллюзий о царе-народолюбце».

«Но если громадная масса крестьянства еще не вполне ясно представляет себе все детали гнетущего ее государственного механизма, зато городской рабочий, поставленный жизнью в условия наиболее частого соприкосновения с властью, все яснее сознает, что его борьбе за лучшее будущее, за освобождение от гнета капитала должна предшествовать борьба с самодержавием. Он первый стал пополнять ряды интеллигентных бойцов, и в настоящее время представляет правильно организованную силу, которая выступила в борьбу как класс, с вполне ясными и определенными требованиями: на красном знамени рабочих, развевающимся во время демонстраций, рядом с требованиями 8-часового рабочего дня, красуются надписи: „Долой самодержавие! да здравствует свобода!“ Все усилия власти, все заботы ее направлены к тому, чтобы подавить это движение, растущее с каждым днем; варварские же средства, которые для этого пускает в ход правительство, вносят в борьбу лишь ожесточение и толкают массу на путь кровопролития, на путь террора».

«К тем же мерам прибегло правительство для подавления студенческого движения, возникшего сначала на почве недовольства академическими порядками. На требование студентов правительство ответило избиением их в аудиториях, на улице, тюрьмой, отдачей в солдаты, ссылкой в Сибирь — и тем толкнуло их в ряды борющихся за попранные права человека-гражданина, на путь общеполитической борьбы».

«Царское самовластье, полный административный произвол, пренебрежение интересами не только отдельных личностей, но и целых общественных групп накопили много горечи даже в верноподданническом сердце буржуазии и землевладельцев. Земство, которому правительство оставило лишь тень самоуправления, уже организует свои силы для борьбы, объявило заграничный орган „Освобождение“ литературным выразителем своих стремлений и, наконец, в уездных комитетах, созданных для обсуждения мероприятий к поднятию народного хозяйства, открыто высказалось за необходимость изменения всей правовой конституции страны, за широкие общие меры к поднятию всей ее культуры. Таким языком говорит не „увлекающаяся“ молодежь, а землевладельцы, чуждые всяких „иллюзий“ и „увлечений“».

«Близорукое правительство, неспособное понимать запросы времени, везде создает себе врагов. Политика „умиротворения“ окраин вызывает лишь обострение отношений, национальный гнет воспитывает национальную ненависть и сепаратные стремления. Веками созданная культура Финляндии, отличная от русской, и особая ее конституция показались несоместимыми с самодержавием. Одним почерком пера Николай II отменяет основные законы страны, на верность которым он сам присягал. Финский народ, сжившийся со своей свободой, протестует против такого грубого по попранию его прав, и вот в стране, где неприкосновенность личности — святое право каждого, начинается казацкая расправа, и лойальная до сих пор Финляндия стала злейшим врагом русского деспота».

«В какой бы уголок вы ни заглянули, всюду встречаетесь вы с самым бесшабашным произволом, с самым грубым насилием, но и всюду вы чувствуете, что находитесь в атмосфере общего недовольства, протеста, сознательных желаний, требований; всюду встречаете элементы борьбы, присутствуете при самой борьбе. Правительство видит, что почва уходит из-под его ног, — теряет голову, бросается из стороны в сторону, и то идет на уступки, то опять хватается за насилие, как единственное средство спасения, не замечая, что само подрывает свои основы и увеличивает пропасть между собой и страной».

«Бюрократия и армия — вот те силы, на которые возлагает надежды правительство в своей борьбе с народом; в них оно видит себе опору, на них покоится трон...

«Но жизнь ясно показывает, что бюрократия, поскольку она связана с землей или капиталом, сама способна стать и действительно становится в ряды недовольных; что же касается той ее части, которая пополняется из среды выгнанных офицеров и разорившихся помещиков, то ее дикая разнузданность оказывает правительству плохую услугу, толкая его в ту пропасть, где суждено погибнуть всему теперешнему правовому строю».

«Посмотрим теперь, насколько правильны расчеты правительства на другую свою опору — армию, и в праве ли оно считать ее настолько надежной и преданной, чтобы относиться с полным пренебрежением к общественным требованиям; может ли оно и впредь за охраной штыков так безнаказанно и цинично попирает права народа, как оно поступает до сих пор?»

«В серую, „дисциплинированную“ солдатскую массу все чаще и чаще проникает правдивое слово жизни и находит себе отклик; участие армии совместно с полицией в преграждении беспорядков, близкое соприкосновение ее с рабочими и сознание солдатом своей кровной связи с ними ставит перед ним целый ряд вопросов и кто может ручиться, какая мысль роится¹¹, какое решение сложится в этих с виду покорных головах? Недаром военный министр в письме к командующим войсками призывает к охранению армии „от глетворного влияния противоправительственной пропаганды“, считая это делом „первостепенной важности“».

«И если присмотримся к жизни повнимательнее, то мы заметим много таких явлений, которые указывают, что опасения его высокопревосходительства небезосновательны.

«Четыре года твердят солдату о „святости присяги“, о дисциплине, об его обязанностях, воспитывают в нем преданность престолу, и тот же самый солдат в запасе — стоит в рядах „внутренних врагов“ во время стачек, демонстраций, беспорядков. Вот еще факт того же рода. М. В. Д. в письме к старшим войсковым начальникам предупреждает их, что, по его сведениям, пребывание в войсках студентов, сданных за беспорядки, оставило „неблагоприятные следы“ на офицерах и нижних чинах и что с уходом их со службы связь не порвалась. Не ясно ли отсюда, что вся солдатская выучка не может проникнуть глубоко в сознание, что жизнь сильнее ее, и все искусственно привитое при столкновении с жизнью исчезает быстро, без следа? Не крепка, значит, солдатская муштровка, если жалкая горсть молодежи, в большинстве случаев и сама плохо осведомленная, за краткий период службы, находясь под усиленным надзором, вместо собственного „исправления“, могла оставить следы своего влияния!

«Трудно создать из солдата живую машину, которая только и рассуждала бы в пределах отданного приказа: всегда в нем кроется способность критического отношения к этому приказанию и протеста при его исполнении, а какую форму он примет, — все зависит от условий места и времени. Кто близко соприкасается с этой средой, кто старается проникнуть в солдатскую психологию, допускает в солдате наличность человека, а не третирует его, как существо низшего порядка, — тот знает, насколько мы правы. Жизнь богата фактами этого рода, и на них нельзя закрывать глаза, с ними надо считаться.

«Вы, без сомнения, неоднократно читали правительственные сообщения о беспорядках, в прекращении которых на долю армии выпадала позорнейшая роль; обратили ли вы внимание, что после нескольких залпов в упор в толпу число убитых и раненых весьма незначительно? Когда один из начальников дивизии, указывая на это, ставил в вину офицерам слабую подготовку к стрельбе их частей, ни у кого из присутствующих не хватало достаточно мужества сказать, — хотя все это сознавали, — что в народ стреляли только безнадежные тупицы, которых в каждой роте найдется до десятка; что только они беспрекословно исполняют всякое приказание, — только они „настоящие“ солдаты, а все прочие стреляли через головы, потому что они прежде всего люди. И это совершенно понятно. Солдаты — дети народа, и если находятся среди них такие, у которых не дрогнет сердце, когда они посылают смерть в своих близких, то вся вина, весь позор за это падает не на этих несчастных, а на их руководителей. Правительство понимает это и, чтобы подавить в солдате чувство кровной связи, отправляет его на службу подальше от родины.

«Мы обращаемся к вам, товарищи, и предлагаем вам вникнуть в совершающиеся перед вами события; мы убеждены, что роль, назначенная вам правительством, найдет протест в вашей среде; что и вы разделяете ненависть всего народа к царю-самодержцу, сделавшему из вас покорное оружие национального порабощения и политического гнета, участниками его преступлений и виновниками за пролитую кровь и слезы, загубленные жизни, разбитые надежды; вы не можете забыть, что офицер прежде всего гражданин и сын народа, что у вас есть обязанности перед родиной, изголодавшейся, засеченной, избитой. Мы знаем, что только недоразумение да малое знакомство с законами социальной жизни держит вас в лагере правительства; мы предлагаем вам изучать исторические судьбы нашего отечества и ознакомиться с текущей действительностью, так как только знание поможет найти правду, лишь оно одно укажет, какое место в рядах борющихся вы, как общественные личности, должны занять; только оно одно даст вам возможность разобраться в совершающихся событиях нашей эпохи, когда старое рушится, а на его развалинах создается новое.

«Наши свободные станки, которые растут, несмотря на все преследования правительства, придут вам на помощь; их свободное слово будет проникать к вам, несмотря на

рогатки жандармов; мы хотим говорить правду не подъяремным языком, не в освещении правительства, так как право на это мы окупаем годами тюрьмы и ссылки; но мы просим вас лишь об одном — выслушать это слово, и мы знаем, куда направятся ваши симпатии.

«Товарищи! Армия, эта плоть от плоти, кость от костей народа, не должна и не может быть чуждой народу и его интересам; ее место не в среде тех, кто кует цепи, а там, где их разбивают. Народ в союзе с армией вырвет с корнем вековую неправду и найдет дорогу к своему счастью! Ваше участие необходимо, но ваше сопротивление не может спасти того, что обречено на гибель, оно создаст только лишние могилы бойцов.

«Самодержавие должно погибнуть — это его историческая судьба, ибо „нельзя влить молодое вино в мехи старые“!..

«Размеры настоящего письма не позволяют нам подробно остановиться ни на одном из затронутых нами вопросов, указать на их литературу, статистические и другие данные; это мы сделаем в наших отдельных изданиях. Там мы познакомим вас с законами социальной жизни, обратим внимание на те явления, которые лишь мельком попадают или вовсе не попадают в нашу подцензурную печать и мимо которых нетрудно пройти; мы соберем их вместе и дадим им надлежащее освещение.

«Мы уверены, что товарищи, сочувствующие освободительному движению, не останутся безучастными зрителями кипящей вокруг них „битвы жизни“, ибо „кто не за нас, тот против нас“, а примут в ней деятельное участие, влияя на своих товарищей словом, примером, организуя кружки, помогая работающим уже революционным организациям, распространяя литературу и т. д. Декабрь 1902 г.

Военно-Революционная Группа.

От всей души приветствуем новую революционную организацию и желаем ей успеха в ее трудном и очень важном деле. С удовольствием отмечаем серьезность тона и убедительность и ясность изложения, характеризующие это литературное произведение. И с полным удовлетворением мы констатируем, что наши военные товарищи с самым серьезным вниманием и с глубоким сочувствием отнеслись к революционному пробуждению пролетариата и сумели оценить политическое значение русского рабочего движения. Это обстоятельство позволяет надеяться на то, что революционное дело, начатое «Военно-Революционной Группой», будет ею вестись в тесном согласии с русской соц.-демократией.

Сведения, которыми мы располагаем о новой организации, позволяют утверждать, что поднятое ею знамя находится в надежных руках и что она приступила к открытой агитации не прежде, чем укрепила свои силы и стала твердо в организационном отношении.

Нам пишут, что прокламация была распространена среди офицеров в городах: Петербурге, Москве, Риге, Ковне, Вильне, Двинске, Гродне, Гомеле, Варшаве, Житомире, Одессе, Харькове и Киеве.

Привет от партии русского пролетариата пионерам революционной идеи в самой цитадели нашего заклятого врага!

Петербург. На студенческом собрании в день университетской годовщины 8 февраля было прочитано следующее воззвание наших петербургских товарищей:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Открытое письмо к студенчеству.

К 8 февраля 1903 г. мы принуждены констатировать «заминку» в студенческой жизни. Затихли споры в кружках, затихла жизнь землячества, затихли протесты против университетской неурядицы... Эту «заминку» мы объясняем себе не столько децимированием студенчества в последние три-четыре года, не столько усилением реакции, сколько основным настроением студенчества. Какое-то уныние и растерянность охватили его. И хотя в жизни эти настроения являются лишними и ненужными, психологически и

исторически они вполне понятны. Они вытекают из отсутствия стройного революционного миропонимания, из отсутствия солидного теоретического обоснования. Не будет преувеличением, если мы скажем, что наша молодежь в массе своей отошла от научного социализма, увлекаемая чорт знает в какие дебри и метафизики, и религии, и эстетики разными дипломированными и недипломированными пророками нашего времени, отличительным и общим признаком которых служит, однако, отступничество от убеждений золотого периода их жизни.

Товарищи! По отношению к вам мы — старое поколение. Начало нашей сознательной жизни относится к началу девяностых годов. Наше вдохновение и миропонимание мы черпали из первоисточников. Нашим евангелием был «Капитал» Карла Маркса, комментариями к нему была почти вся библиотека научного социализма — социализма, не прошедшего через русскую цензуру, не обесцвеченного применением к обстоятельствам. Выступление теорий научного социализма из студенческих кружков в официальную литературу было началом упадка по сравнению с тем временем. Принужденный пользоваться эзоповским языком нашей литературы, принужденный к недомолвкам, научный социализм должен был естественно исказиться в проповеди русских официальных глашатаев его. Кроме всего этого, он, в силу политических условий русской жизни, не мог итти рука об руку с рабочим движением и черпать из него свое воодушевление, свой революционный пыл, свою энергию, он поневоле становился академичным, т. е. лишался своего исходного пункта, своей жизни, что так хорошо выразил Либкнехт: «Мы хотим сражаться, мы хотим победить». Лишенный души, научный социализм неизбежно должен был превратиться в русской литературе в схоластику, в фразеологию. Вполне естественно, конечно, что увлечение официальной литературой отдало силы от разработки теории в литературе подпольной. Дальнейшую эволюцию вы знаете... Официальная литература, не имея ни возможности, ни сил заняться уяснением, разработкой широкими штрихами намеченной теории, ударила в «критику», — благо критика вообще легка, — да и в критику одностороннюю, которая была более всего по зубам, более всего соответствовала настроению: выше лба уши не растут... Молодое поколение, приехавшее в столицы, скоро стало питаться исключительно критикой теории, критикой такой плодотворной, что из-за нее уже некогда было заняться самой теорией. С тех пор вожди литературы этого направления пошли дальше... И критику сменили свои теории. На сцене появились и метафизика, и мистика... и все это в оригинальном русском переложении с немецкого, как у большинства, или в менее оригинальном богословском стиле, как у Булгакова... А жизнь тем временем шла и развивалась своим путем, стихийно и быстро... Молодому участнику быстро текущей жизни предыдущих лет не могло не казаться, что наконец-то революция началась: народ, доселе тупо смотревший на студенческие сходки, пошел, наконец, в лице городских рабочих, вместе с ними... на демонстрации и даже впереди их... Но этот народ несколько поубавился на следующих демонстрациях и, повидимому, стал снова уходить от студенчества. Естественно в уме зарождается мысль, что «раз счастье было так близко, так возможно», то еще напор и... враг бежит... Что начато демонстрациями, то докончит террор... Но террор не пошел... террор не приводит к желанным результатам... Что же делать? Молодые люди должны были растеряться, настолько, конечно, насколько у них не было точного и ясного понимания законов развития всякого общества и, в частности, общества русского. Если бы у них была хорошая теоретическая подготовка, они бы знали, что без широкого участия в движении рабочего класса, городского пролетариата, никакая революция невозможна (кроме дворцовой, конечно). Если бы они знали действительную жизнь, они должны были бы быть далеко от всяких очарований, а следовательно, и разочарований. Нет никакого сомнения, что рабочий класс в России не по дням, а по часам растет умственно, нравственно и численно. Однако одного роста недостаточно для революции, для этого еще нужна организация его в одну большую партию, сильную своим единством, сильную своим единодушием. 15 лет упорной работы социал-демократов в рабочей среде создали массу

оазисов в ней, массу сознательных рабочих... Это была необходимая подготовительная работа... И эти-то сознательные рабочие и пришли на демонстрации. Децимирование их рядов сильно отразилось не на рабочем движении, — об этом не может быть и речи, — а на ходе организационной работы... С другой стороны, и студенчество создало в течение нескольких лет относительного затишья в своей среде довольно стойкие организации... Вся эта незаметная, кропотливая подготовительная работа и сделала возможным те демонстрации, которые так удивили всех, начиная с официальной России, своею грандиозностью. Дальнейший путь был намечен всей предыдущей жизнью: надо было усиливать пропаганду и организацию и избыток сил вести на демонстрации. Между тем произошло наоборот: демонстрации стали главной целью и отвлекли от будничной работы — изучения, пропаганды и организации... Отсюда недалеко и от нетерпеливого молодечества и от мрачного отчаяния, выразителями которых является террор.

И вот теперь мы стоим перед странным на первый взгляд явлением: волнуется крестьянство, волнуется городской рабочий, поднимают голос забытые либералы, а русское студенчество, этот «барометр русской жизни», безмолвствует... Затихла революционная мысль... Маркс и Энгельс и вся библиотека научного социализма отодвинуты в сторону и покрылись пылью, а на первом месте красуются «Проблемы Идеализма». Чуткий к общественной неправде, страстный в осуществлении идеалов, материализм сменился равнодушным ко всему на свете дряблым резонирующим идеализмом...

8 февраля мы пришли сказать вам от имени рабочего класса: Проснитесь, готовьтесь к жизни — вас ждут на работу...

С.-Петербургский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Собрание ответило на это воззвание следующей резолюцией:

Постановление собрания, происходившего 8 февраля в студенческой столовой в количестве 2.500 чел. (Принято единогласно.)

«Приветствуя призыв социал-демократического комитета к совместной работе и сознавая свой долг оправдать надежды, возлагаемые на интеллигенцию, как активную революционную силу, собрание 8 февраля выражает готовность всеми средствами содействовать росту революционного движения, а в ближайшем будущем надеется принять активное участие в открытых заявлениях протеста в той форме, в какой к этому призовут авторитетные организации, и приглашает учащих в высших учебных заведениях собраться на следующей неделе на сходки для обсуждения мер протеста против арестов товарищей, расправы с донцами и рабочими Штиглицкой фабрики».

По этому поводу очевидец пишет: «Под слов[ами] „авторитетных организаций“ должно подразумевать соц.-дем. партию и ее боевую организацию. 8 февраля на вопрос, заданный одним из присутствовавших о том, что подразумевается под понятием „авторитетных организаций“, бюро ответило, что под „авторитетными организациями“ надо подразумевать соц.-дем. партию и ее боевую организацию. Число человек на этом собрании было помоему и насколько подтверждают мое заключение другие, 2.500 чел. или около этого».

«На этом собрании попробовал говорить и очень красиво умеренный; начавши с восхваления всего, чем, мол, мы должны гордиться: земцы работают, крестьяне работают, интеллигенция работает, про рабочих — и говорить нечего, а поэтому незначим нам итти против кого следует открытым восстанием, что, де, бунты и демонстрации ни к чему не приведут... Речь его была покрыта таким злобешим свистом, какого я уже давно не слыхал».

К побегу Инны Леман. О своем удивительно-удавшемся побеге из жанд. управления при Старо-Киевском участке И. Г. Леман нам пишет: «Все до мелочей вышло так, как я наметила заранее, как по писаному. О моем плане знало сравнительно очень много людей, потому что я обращалась за помощью и советом. На воле

отнеслись очень отрицательно, приблизительно как к безумным фантазиям расстроенного тюремной воображения. Я и сама почти потеряла надежду, что представится благоприятный случай для исполнения моего плана (войти в ватер и затем моментально выйти, изменив несколько костюм, и пройти мимо часовых, стоящих тут же у двери). Надо было, чтобы до нашего прихода около ватера не было других полицейских чинов: зная, что до меня никто не входил, они не могли бы не обратить на меня внимания. Как на зло, в те дни, когда брали меня, больше никого не брали (очень часто берут на допросы по два и по три человека), и карета со всем штатом (с кучером три или четыре человека) все время оставалась тут же на дворе, в том же углу, где и ватер. Кроме того, за два шага от ватера всегда оказывались один или два городовика. Я заподозрила даже, что в жандармском проведальном моем предприятии. Слишком много народу знало, и нам передавали даже, что в жандармском «что-то» знают о предприятии на женском отделении. В понедельник 13 января, идя с допроса по лестнице, в сопровождении, как обыкновенно, одного конвойного впереди, другого сзади, я еще на лестнице заглянула в окно и увидела, что карета, хотя и стоит во дворе, но без штата. Было очень холодно, — очевидно, ушли погреться. Как обыкновенно, меня хотели завести в камеру, тут же в подвальном этаже, в ожидании, когда пригласят или позовут карету. Я запротестовала. „Зачем, мол, мне еще ждать в камере, карета во дворе, можно сейчас же ехать“. Выходим на двор; смотрю: и городовика на обычном месте нет. Двор громаднейший, и в других концах были люди, но этот угол оказался чист. Один часовой побегал за „штатом“, а я, ни слова не говоря, направилась в ватер. Под накидкой у меня была осенняя драповая черная кофточка (на допросе я сидела перед жандармом в ней) и на плечах небольшой вязаный платок из серой шерсти. Чтобы сбросить накидку и шапку, набросить на голову платок и снять пенсне, понадобился один момент — часовому должно было показаться, что я вошла, а другая вышла в одно и то же время. По двору я шла медленным шагом, немного вразвалку, чтобы изменить походку. Двор мне показался прямо бесконечным. Каждую минуту я ждала, что меня схватят сзади за плечи (за Старо-Киевским участком установилась слава, что в нем избивают арестуемых, в прошлом году страшно избил демонстрантов — это факт). Только подойдя к воротам, каменным, широким, шагов в пять, я почувствовала нечто вроде надежды. „Неужели, неужели? Да не может быть!“ У ворот, точно нарочно для этого случая, оказалось несколько извозчиков (обыкновенно их тут не бывает). Я села на крайнего и велела ему ехать на первую пришедшую в голову улицу — на „исторический“ Крещатик. „Неужели, неужели? Не может быть!“ — не переставая, продолжало звучать в голове. Я прямо отказывалась верить, что это не сон, тем более, что в тюрьме, благодаря тому, что мысли работали в этом направлении, часто видела подобные и поразительно яркие сны, так что, проснувшись, не сразу догадывалась, что это только сон. Только на Крещатике, по обыкновению многолюдном, когда меня подхватила толпа, мной овладела жгучая радость. И тут только я заволновалась и потеряла самообладание. Все время я была совершенно спокойна, и если бы меня взяли, несколько бы не удивилась. Я была готова к этому и отнеслась бы, как к неизбежному, совершенно спокойно (бить себя я бы, конечно, не допустила). Но теперь на меня точно пахнуло свободой и вспыхнула страшная жажда затеряться, замешаться в толпе, избежать того отвратительного, неизбежного. Я, как бомба, вылетела с извозчика и, пробежав несколько шагов, влетела в какой-то магазин. Изумленные лица приказчиков заставили меня опомниться; я что-то спросила, выслушала, что этого нет, и, сделав усилие воли, снова взяла себя в руки. Выйдя на улицу, я себя почувствовала отчасти обывательницей. Все еще не веря, что это не сон, я села на конку и уехала с Крещатика (это самая опасная улица, всегда масса шпионов и полиции) куда-то на окраину. Только тут, в одном небольшом магазине, я купила большой байковый платок, заметив, что на улице много женщин в таких платках (было очень холодно), и надела его на их манер, так что от всего лица торчал только один нос. Тут я почувствовала себя в полной безопасности и

отправилась на розыски — частью пешком, частью на извозчиках. Вы видите, что во всем этом происшествии громадную роль сыграл случай. К неудаче я была вполне готова и заранее решила отнестись с философским спокойствием ко всем тем нареканиям, которые должны были посыпаться на мою голову со стороны „скептиков на воле“. Но, вот, неожиданно для всех и даже для меня самой, удача... Случай, счастливая звезда... Несмотря на захватывающую радость и блаженство сознания, что ты свободна, несмотря на невыразимо-сладкое чувство торжества при мысли о бешенстве Новицкого и комп. (он, говорят, ужасно бесновался, будто бы сам выбежал на улицу в одном мундире и кричал: „лови ее, лови ее!“), когда меня уже давно не было; потом будто бы отдал приказ: „достать ее во что бы то ни стало“. Может быть, это и выдумки, масса сплетен ходила по городу, но если это и выдумки, то они характерны. В первый день, когда меня, очевидно, надеялись еще поймать где-нибудь на улице, многие, не зная, в чем дело, обратили внимание на массу конных городских по всем улицам, — думали, что опять студенческие беспорядки начинаются, — несмотря на все это, я все-таки не могла не сознавать, что я обязана всем этим счастливому случаю. Между прочим, в „Освобождении“ сказано, что побег совершили „без всякой помощи со стороны“. Это фактически неверно: помощь со стороны была... Хотелось бы подчеркнуть громадное сочувствие и готовность оказать активную помощь со стороны общества. Только при таких условиях, когда мы оказываемся окруженными друзьями, а полиция во вражеском лагере, подобные вещи могут оканчиваться успехом...»

Москва, 15 февр. В Москве тихо... Тихо в рабочих слоях, тихо в «обществе» и в среде учащейся молодежи. Г. Трепов может с довольно уверенностью повторять: «У меня чистота, у меня порядок»... Быть может, это тишина перед бурей и в зловещем затишьи первопрестольной незримо, незаметно для тысяч шпионских глаз молчаливо идет молекулярный процесс переоценки ценностей самодержавия. Это — возможно, это — наверно. Но верно и то, что на поверхности московской жизни в данный момент царит молчание и покой. Молчание, в котором, словно под колоколом воздушного наоса, беззвучно замер и погас протест бутырских заключенных, голодовкой хотевших принудить инквизиторов самодержавия смягчить суровый, возмутительный режим. измышленный ими для Т. Гурвича. Покой, которого «не возмутили» ни прокламации студ. группы «Буревестник», ни воззвание «протестующих интеллигентов» — правду сказать, воззвание весьма спокойное, сонное... даже и для мирно дремлющих либералов. «Буревестник» призывал учащихся однодневной забастовкой почтить годовщину прошлогоднего университетского сиденья, протестующие же интеллигенты — не верить заигрываниям бюрократов, якобы идущих на уступки и даже облегчающих участь своих пленников-революционеров. Но студенчество не вяло зову товарищей. В университете сходки не состоялись, лекции продолжались, а вечером 9 февр. тихо и смирно прошло общее собрание студентов филолог. общества, каковое собрание предполагалось отложить во избежание «нежелательных инцидентов». На высших женских курсах, на лекциях 8 февраля, народу было даже больше, чем обыкновенно, так как многие девицы шли на них «принципиально», — есть и такие «принципиальные девицы». Словом, московской администрации пока-что бояться и нечего, она безбоязненно может продолжать наводить чистоту и порядок среди московских «людей и человеков», что она от времени и делает. Не так давно арестована на одном из вокзалов дама, вместе с которой был взят ящик с литературой; на-днях арестовано, как говорят, несколько студентов Межевого института, причем взяты тоже милые жандармскому сердцу приложения.

Конец студенческой трагикомедии. Во второй половине декабря объявлено было в Якутской области об окончательной амнистии всех студентов, выраженной в телеграмме от 6 декабря. На этот раз они ее приняли и двинулись в путь отдельными группами. При возвращении с ними было поступлено неизмеримо «мило-

стивее», чем с обыкновенными кончающими срок политическими ссыльными. Их снабдили деньгами для покупки теплой одежды и выдали всем прогоны, вместо того чтобы отправлять на «обывательских» в сопровождении казака. В Иркутск съехалось множество студентов и там возникла новая история. У нескольких студентов, живших в Нижнеудинске, произведены были обыски; найдена нелегальная литература и устав кассы. В результате пятеро из них были арестованы и посажены в Иркутскую тюрьму. Съехавшиеся студенты стали требовать их освобождения, но, конечно, безуспешно. Тогда часть решила протестовать отказом вернуться в Россию. Гольшинство же к протесту не примкнуло и раз'ехалось по домам — «учиться порядку» под кровом родительским. Впрочем, в самое последнее время прошел слух, что арестованные в Иркутске выпущены и что поэтому последние упрямые могикане тоже возвращаются домой. Так окончилась «студенческая революция» 1 февраля 1902 г.

Белосток. (Из частного письма.) В театре на «Мещанах» была громадная демонстрация. Кричали: «долгой самодержавие, произвол, долгой Метленко (полицейстер), да здравствует свобода!». Бросали карточки с теми же надписями. Городовые с шашками наголо в театре же начали бить куда попало. Произошла схватка. В театре стоял крик, шум, некоторые зрители падали в обморок, так что не окончили играть. Потом перенесли демонстрацию на улицу. Было сильное возбуждение. Озверевшая полиция начала стрелять. Полицейстер с револьвером в руках метался, как разъяренный зверь, по городу. Были вызваны войска, закрыли все магазины (в 6 час. вечера). Убит один рабочий, есть и раненые. Арестовали до 30 человек: рабочих, гимназисток и учеников Коммерч. училища. Возмущенная этими зверствами учащая молодежь энергично протестовала. Вообще, демонстрация имела громадное воспитательное значение. «Публика» воочию увидела, к чему приводит произвол грубой полиции. Демонстрация продолжалась 4 часа, охватив почти все улицы. Возбуждение в городе громадное. Со всех фабрик начали собираться рабочие, вооруженные палками. Все это было 15 февраля.

Ярославль. Этой осенью было небольшое столкновение рабочих с полицией. Барабанщик Фанагорийского полка, рота которого была выслана для умирнения, с опасностью для жизни бросился выручать городского, на которого надвигалась толпа, и получил рану в голову. Царь прислал ему свое «спасибо» и пожаловал пять рублей. Приказ, в котором излагается этот поступок, велено прочесть по три раза всем солдатам Московск. военного округа. Такая нетактичность вызвала ироническое отношение даже у самых умеренных офицеров.

Екатеринослав. Не успели наши екатеринославцы притти в себя после декабрьского нашествия на соц.революц., как на-днях весь город был взбудоражен новыми подвигами «средиземной эскадры». 2 февраля, в 9 час. вечера, на квартиру инженера-технолога Иловайского явилось множество полиции: там оказалось собрание человек в 30-35, все из местного «общества». Их стали переписывать и обыскивать, производя в то же время обыски и на квартирах. Таким образом было перерыто около 35 квартир. Но жатва для полиции была не особенно обильная: на квартире найдено немного нелегальной литературы, да у одного из гостей найдена дома литература. Арестованы четверо: хозяин квартиры Иловайский, занимавший видную должность в мин. пут. сообщения, Шапошников, поднадзорный Полонский и один нелегальный, назвавшийся сначала Славным, а потом, когда обнаружилось, что такого не существует, заявивший, что в жандармском управлении назовет свою настоящую фамилию.

Часть публики отпустили в 4 часа утра, а остальных лишь в 8 час. Паспорта, у кого были, отобраны, и до сих пор не возвращаются.

По поводу Иловайского завязалась, говорят, переписка между мин. пут. сообщения и жандармским упр. Последнее написало, чтобы Иловайскому искали заместителя.

Нам пишут: В харьковских «Губ. Ведом.» появился в конце января циркуляр начальника Курско-Харьк.-Сева-стоп. ж. д. о том, чтобы старшие кондуктора, обходя поезда для проверки билетов, «приглашали станционных жандармов для ознакомления с пассажирами». Пассажиры уже испытали на себе действие этой новой выдумки обер-ищейки Плева или Зубатова: по вечерам жандарм идет вслед за кондуктором, и последний наводит фонарь прямо на физиономию пассажиров.

Любопытная справка. В марте 1876 г. министерство юстиции конфиденциально разослало прокурорам судебных палат следующий циркуляр: «Бывшие случаи показали, что весьма часто в качестве свидетелей в процессах по государственным преступлениям привлекаются лица, услугами которых пользуется тайный дозор, столь необходимый при открытии и преследовании преступлений этого рода. Принимая во внимание, что суд по государственным преступлениям чинится особым порядком, причем функции судей исполняют лица, удостоенные монаршего доверия, и дабы одно присутствие на этом суде лиц, которых известные слои нашего общества по своей малой развитости и непониманию важности задач, преследуемых тайными правительственными агентами, могут пятнать нелестным (sic) эпитетом шпионов, — не могло навлечь и малейшей тени подозрения относительно беспристрастия в выполнении великого святого долга суда, или поколебать в слоях лучшей части истинно развитого русского общества то доверие, на которое бесспорно имеет право этот высший суд, вменяю в пр-ству в обязанность принять к руководству и исполнению привлекать вышеупомянутых лиц в качестве свидетелей в делах подобного рода только в исключительных случаях, о чем уполномочиваю вас, м. г., сообщить от моего имени и всем подведомственным в. п. лицам прокурорского надзора. Министр юстиции, ст. секретарь гр. Пален» («Община», 1878. № 1, стр. 7).

Прошло 26 лет — и на последних политических процессах перед нами открыто дефилировали Куприяновы, Осиповы, Саловы и пр. «лица», которых принято называть «нелестными эпитетами шпионов». Как понять это? Думает ли теперешний министр юстиции, что русское общество развилось, наконец, до такой высокой степени, что прониклось уважением к «важности задач», выполняемых шпионами? Или русское самодержавие попало в такие «исключительные» условия, что ему не до забот об уважении общества к суду, облеченному «монаршим доверием»? ..

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Грубый произвол и возмутительные беззакония русского правительства в Финляндии переходят уже всякую границу. Царю, как известно уже читателям из легальных газет, «благоугодно было» уволить недавно от службы, «согласно прошениям», тех четырех финляндских губернаторов, которые отказались исполнить жандармские циркуляры Бобрикова о борьбе с «крамолой» в Финляндии. На место двух из них уже назначены русские «верноподданные»; в настоящее время, таким образом, совершенно противозаконно пять русских помпадуров занимают финляндские посты. Недавнее назначение на должность ландс-секретаря Нюландской губ. (эта должность, первая после губернаторской в губернском правлении, требует специально-юридического образования) одного из руссификаторов — русского офицера Рейнбота — вызвала негодование даже и консервативной оппортунистической старофинноманской партии. Орган этой партии посвятил этому инциденту резкую передовую статью, за что сразу получил предостережение. Словом, эти временщики широко пользуются сентябрьским беззаконным царским указом о назначении на финляндские должности и «русских уроженцев». Так же щедро применяются и другие сентябрьские указы, о которых мы уже неоднократно говорили в предыдущих статьях. Наглым руссификаторам очень важно отделаться от всех финляндских чиновников, преданных конституции и основным законам своей отчизны, и окружить себя одними лишь покорными рабами, ревностными исполнителями «высочайших предначертаний». Почти

с самого начала своего разбойничьего похода на Финляндию царское правительство проводит на практике этот преступный «принцип». Оно, разумеется, начало, по своему обыкновению, проводить его постепенно: сначала был очищен финляндский сенат*, затем гельсингфорсская полиция; эту осень, по царскому повелению, было уволено: тринадцать чиновников, в том числе по три старших члена всех трех гофгерихтов, т. е. апелляционных судов второй инстанции, и т. д. На-днях наглость русского правительства в этом отношении достигла кульминационной точки: царю-клятвопреступнику «благоугодно было» 10 (23) февраля уволить от службы без пенсии 16 чинов абоского гофгерихта, т. е. всех, за исключением трех его членов. Поводом к такому «всемирноистейшему» мероприятию является след. обстоятельство: после грубого избиения на Сенатской площади в Гельсингфорсе безоружных граждан 5 (18) апреля 1901 г. (см. № 22 «Искры») некоторые из пострадавших подали в начале лета жалобы на незаконные действия губернатора Кайгородова в абоский гофгерихт. Видя, что верным исполнителям его приказаний грозит законный суд, Плеве и сострапал осенние царские указы, запрещающие, между прочим, привлекать к суду чиновников без особого разрешения их начальства (этим указом была дана обратная сила). Абоский гофгерихт, не обратив внимания на эти преступные «законы», рассмотрел жалобы на Кайгородова и в начале февраля (н. ст.) отправил гельсингфорскому ратгаузскому суду приказ произвести следствие по этому делу и слушать показания многочисленных свидетелей (около ста чел.). Гельсингфорский суд назначил опрос свидетелей на 13 (26) и 14 (27) февраля. Убедившись, что финляндские суды не подчиняются, подобно нашим коронным судам, административному воздействию, Плеве, Бобриков и финляндский сенат всполошились; они прекрасно сознавали, что суд осудил бы Кайгородова «по всей строгости законов» и отнесся бы к нему как к тяжкому преступнику. 11 (24) февраля в сенат прибыло от Бобрикова след. отношение:

«Финляндский генерал-губернатор. В Гельсингфорсе. 11 (24) февраля 1903 г., № 1139. Экстренно. В императорский финляндский сенат.

«Препровождаю при сем в сенат, для надлежащего исполнения, телеграмму министра статс-секретаря Великого Княжества Финляндского от 10 (23) февраля о высочайшем повелении об отмене всех последовавших, в нарушение закона 1 (14) августа 1902 г., распоряжений судебных мест по делам о должностных преступлениях и о принятии мною, совместно с сенатом, мер к недопущению нарушений высочайших по сему повелений, во исполнение таковой монаршей воли с своей стороны признавал бы необходимым: 1) безотлагательно же поставить о таковом высочайшем повелении в известность все судебные установления и губернаторов в Финляндии; 2) объявить о сем в официальных газетах края и 3) предписать губернаторам и губернским правлениям принять все зависящие от них меры к недопущению отступлений от изъясненной высочайшей воли, обращаясь в необходимых случаях к содействию военного начальства. К сему присовокупляю, что для выигрыша во времени и в видах недопущения заседания Гельсингфорского ратгаузского суда, назначенных на 13 (26) и 14 (27) сего февраля, мною даны соответствующие приказания нюландскому губернатору. В случае уклонения подлежащих лиц от своевременного исполнения распоряжения сената, в предупреждение возможных случайностей, полагал бы мерами полиции закрыть вход в зал заседаний и вывесить объявление согласно прилагаемого для того проекта. Генерал-адъютант Бобриков. Директор канцелярии генерального штаба полковник Зейн.

«Проект объявления». Сим объявляется, что во исполнение высочайшего повеления от 10 (23) февраля 1903 г., распоряжением генерал-губернатора и императорского финляндского сената, назначенный по жалобам канди-

дата медицины Хофстрема, магистра философии Термана и друг. лиц на 13 (26) и 14 (27) сего февраля допрос свидетелей отменен и заседания ратгаузского суда, как по этим, так и по другим однородным с ним делам, и впредь допущены не будут. Директор канцелярии финл. г.-губ. штаба полк. Зейн. Начальн. отделения Ганскау.

«Телеграмма. Гельсингфорс. Ген.-губернатору; № 820. Принята 10 февр. 1903 г. Государю императору 10 (23) февр. благоугодно было отменить все распоряжения, последовавшие по делам о должностных преступлениях в нарушение высочайших постановлений и повеления от 1 (14) августа 1902 года, и поручить ген.-губернатору и сенату принять все зависящие меры к недопущению каких-либо от сих постановлений и повелений отступлений. Министр статс-секретарь Плеве».

Сенат отправил подобное приказание ратгаузскому суду. Одновременно получено было известие и об отставке 16 членов абоского гофгерихта. 13 (26) февраля, когда суд явился в 10 час. утра в ратушу для опроса свидетелей, у дверей, на лестницах и в коридорах были расставлены десятки полицейских, не впускавших публики в помещение суда. Когда было объявлено слушание дела и сторож начал призывать стороны и свидетелей, то оказалось, что полиция никого из них не впускает в ратушу. «Блестятели порядка» исполняли приказание Бобрикова и Кайгородова, место которого должно было быть на скамье подсудимых. Суду осталось лишь занести в протокол протест против насилие полиции и довести до сведения разгромленного гофгерихта о причине временного отложения дела. 14 (27) февраля повторилась та же самая история. Российский самодержец снова нагло попирает ногами правосудие в Финляндии, как он привык это делать в России, стонущей под гнетом полнейшего бесправия обывателя. При выходе уволенных судей-граждан из помещения гофгерихта публика устроила им на улице овацию и поднесла цветы. За исключением двух, все служащие в абоском гофгерихте, низшие чиновники, писцы и даже сторож немедленно подали в отставку. Нравственным долгом всех честных финляндских граждан является материальная поддержка всех этих лишенных царем куска хлеба чиновников, исполнивших долг по отношению к своему народу.

В Финляндии, как известно, в настоящее время сильный голод. Финляндское общество отлично организовало подачу помощи. Выбранный центральный комитет вспомоществования голодающим подучает значительные пожертвования не только из Финляндии, но и из других стран, как, например, из Америки, и действует вполне энергично. Бобрикову хотелось, по примеру других русских администраторов, разыграть роль народного благодетеля, но собранные в России средства продолжали преспокойно поступать в центральный комитет. Это бесило русского сатрапа, канцелярия которого также принимает пожертвования. На-днях он обратился за содействием к финляндскому сенату с предложением «совместной деятельности» недавно образованных им отделений Красного Креста, председателем которых состоит его жена. Нам хорошо известно, как у нас Красный Крест обыкновенно оказывает помощь «пострадавшим от недорода». Если в России это благотворительное учреждение почти совершенно бесполезно, то в Финляндии оно лишь комично. Но надо же Бобрикову и его супруге фигурировать в роли «благодетелей», столь приличествующей высокопоставленным разбойникам. Сам царь пожертвовал в пользу ограбленного им финского народа (см. № 28) из финляндской же казны всего 10 тыс. марок, его мать облагодетельствовала голодающих 5.000 руб., а наследник — 3.000 руб. Как видит читатель, «августейшие» пожертвования не велики.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Казань. Прошло более двух лет с тех пор, как на страницах революционной печати появилось последнее сообщение из Казани. Этот долгий перерыв обьязывает нас

* В 1900 г. вышли в отставку 12 сенаторов, отказавшихся обнародовать беззаконные указы царя, в 1901 г. уволено четыре сенатора, протестовавшие против «закона» о воинской повинности.

** Этот «проект», за подписью гельсингфорского полицмейстера 13 (26) февраля был наклеен на стене ратуши.

дать краткий исторический очерк казанского движения. Несомненно, что и до 1898 года, с которого у нас имеются более достоверные данные, пропаганда среди казанских рабочих велась. Но, повидимому, она носила совершенно неорганизованный, так сказать, кустарный характер: велись не группы, а отдельные лица. Только в 1898 г. организуется уже группа и ставит своей целью пропаганду социал-демократ. идей среди казанских рабочих. Группа эта завязывает связи только с одним из заводов, Алафузовским, и городскими типографиями. Дело, несмотря на малочисленность группы, пошло довольно успешно; среди рабочих были организованы боевые кассы, заведены библиотеки из легальных и нелегальных книг, а в апреле того же года была устроена маевка, правда, очень небольшая (до 40 раб.). На этой маевке было сказано несколько речей по поводу рабочего движения вообще и в частности по поводу начинающегося казанского. Последовавший в начале следующего года провал (арестовано до 40 чел.) снова заставил казанское движение принять привычные ему кустарные формы. Но такая работа уже не удовлетворяла ни рабочих, ни интеллигентов, и осенью 1900 г. организуется вторая по счету «соц.-дем. группа». Она ставит дело шире предыдущей, завязывает сношения почти со всеми казанскими заводами и мастерскими. Деятельность ограничивается вначале исключительно пропагандой, но уже в начале 1901 г., благодаря росту движения, возникает вопрос о переходе от пропаганды к агитации. Однако ни оформить, ни провести в жизнь этого общего желания группе не удалось, так как 19 февраля жандармерией были произведены необычайные для Казани по своим размерам аресты (обыскано 100 чел., арестовано 70); несмотря на это, удачно возникла и прошла стачка булочников, а к 11 марта группой была выпущена прокламация ко всем казанским рабочим с предложением принять участие в уличном протесте студентов против произвола правительства (сведения о демонстрации и результатах ее своевременно были сообщены «Искре»). Майские прокламации не были выпущены группой по независящим от нее обстоятельствам. Затем наступило снова затишье, все усилия были направлены на поддержание оставшихся связей, и только осенью 1902 г. группа настолько усиливается, что, не ограничиваясь старыми связями, заводит новые. Еще осенью группа постановила, не ограничиваясь пропагандой, перейти при первой же возможности к широкой агитации в массах. Поэтому вся вторая половина 1902 года была посвящена пропаганде с целью создать в среде казанских рабочих революционное ядро, которое совместно с членами группы вошло бы в состав предполагаемого Комитета Р. С.-Д. Р. П. Деятельность группы была настолько успешна, что образовавшийся с началом 1903 г. Комитет решил немедленно привести в исполнение осеннее постановление группы о переходе к агитации. С 20 на 21 января по всем заводам (Алафузовский, Крестовниковский, Свешниковский, пороховой, Александровский и др.), а также и почти по всем мастерским и типографиям города были распространены прокламации Комитета «К казанским рабочим» на русском и татарском языке. Кроме того, в это же время Комитетом была выпущена прокламация к казанскому обществу. Прокламация эта была встречена рабочими очень сочувственно, они усиленно разбирали ее и читали, несмотря на всю энергию заводской администрации и полиции, тешно пытавшихся уничтожить неожиданно появившуюся крамолу. Энергичнее других охраняли от полиции первую выпущенную на их языке прокламацию рабочие из татар. Мысль о необходимости прокламации на татарском языке принадлежит всецело самим казанским рабочим, указавшим на национальную рознь, которую усиленно раздувают предприниматели, а также и на пренебрежительное отношение татар-рабочих к прокламациям на русском языке. Горячий прием, оказанный татарами прокламации на их языке, дает надежду Комитету, что он параллельным выпуском листов на обоих языках не только внесет свет в массы татар-рабочих, но и в корне подорвет ту национальную рознь, которая до сих пор была выгодна только казанским капиталистам, движению же безусловно вредила.

Ростов-на-Дону. В своей корреспонденции, помещенной в № 32 «Искры», я сообщал о том, что некото-

рые незначительные требования железнодорожных рабочих были удовлетворены администрацией дороги. В настоящее время все опять возвратилось к своему «первобытному состоянию». Мастера Вицкевич и Чернявский опять возвращены к своим «постам».

Ни один пункт требований рабочих не удовлетворен. «Обещали посулить», как говорил один купец в драме Островского, а вышло «совсем напротив». Поворот к старым «отеческим традициям» в железнодорожных мастерских замечен полный после приезда сюда фон-Валя, который, очевидно, преподавал в совершенстве местным растерявшимся помпадурам полный курс современной политики центрального правительства по отношению к растущей «крамоле». Во всяком случае, политики «ежовых рукавиц» по отношению к железнодорожным рабочим в настоящее время в полном ходу. С рабочими стали обращаться гораздо свирепее, чем даже до «событий». Во всех действиях железнодорожной администрации заметна скрытая вальс-ская провокация, желание во что бы то ни стало убить в рабочем всякое представление о человеческом достоинстве. Штрафы, как из рога изобилия, сыплются на головы рабочих. В довершение всего весь январь происходила «чистка» рабочих. Теперь не досчитывается уже больше ста человек. Кроме этого, упорно циркулируют слухи, что в непродолжительном времени будет расчитано около тысячи человек. Этот слух находит себе подтверждение в том, что большая часть работы сдана уже на частные заводы, в мастерских же только в одном цехе производится работа. Рассчитывать рабочих предполагается небольшими группами, постепенно. Все эти «реформы» приняты с тою, очевидно, целью, чтобы предотвратить новый ожидающийся взрыв негодования среди рабочих, обманутых администрацией дороги, действующей под руководством жандармов и полиции. Расчет на то, что пришедшие из других городов рабочие, которые займут место расчитанных, будут покорнее, окажется, вероятно, ошибочным.

Что же касается ростовских рабочих, то меры, принимаемые по отношению к «умиротворению» их посредством «ежовых рукавиц» и посредством реставрирования «добрых отеческих отношений», страшно раздражают их и служат хорошим воспитательным средством даже и для таких слоев рабочих, которые раньше серьезно не задумывались над своим безвыходным положением. Теперь всей массе рабочих становится ясным, где нужно искать своих врагов, а где друзей. Настроение вследствие этого в железнодорожных мастерских крайне возбужденное; рабочие страстно ищут подходящей формы для того, чтобы целесообразно излить свое возмущенное чувство. Все говорят о необходимости повторить осенние «события». В городе также упорно циркулируют слухи, что повторение событий, несомненно, будет в день 19 февр. Боевое настроение среди рабочих поддерживается энергично и Донским Комитетом, за январь месяц выпустившим 15.000 прокламаций.

Начальство также мобилизует свои силы «на случай чего ежели», стягивая казаков в Ростов, который постепенно превращается опять в «военный лагерь». Оно тоже ждет 19 февр. В городе и среди рабочих говорят, что если 19 февраля не удастся, то все равно раньше даже 1 мая они ринутся в «бой». Итак, несмотря на полицейский и жандармский террор, несмотря на все репрессии, ростовский пролетариат идет вперед по пути развития своего классового самосознания. Влияние Донского Комитета на массу рабочих растет с каждым днем.

Недавно Донской Ком. опубликовал свой отчет за 1892 г.¹², из которого видно, что он выпустил 60.000 прокламаций и листов. Это произвело на всех бодрящее впечатление. Прошлые ростовские события всколыхнули весь ростовский пролетариат, почва настолько разрыхлена, что нехватает даже работников социализма, чтобы поспевать за требованием массы. При этом необходимо отметить одну любопытную черту. Прокламации читаются всеми и везде. Рабочие прямо требуют «литературы», которая раскрывала бы глаза на все социальные и политические порядки страны; говорят открыто о «республике» и т. д.

Одним из благоприятных последствий прошлых ростовских событий было то, что женщины-работницы, раньше, по большей части, остававшиеся пассивными,

в настоящее время присоединились к общему рабочему движению. Оживление среди работниц небывалое. Организуются кружки, возбуждается масса животрепещущих вопросов. Словом, можно считать, что отныне и женщины-работницы г. Ростова выступают активно на политическую арену.

Как известно, это оживление вздумали-было поэксплуатировать в свою пользу и соц.-революционеры. Дело не ограничилось только их органом «Рев. Россия», изображавшим «ростовские события», с присущей этому органу хлестаковской развязностью. Рассказанные органом соц.-революционеров разные «небылицы в лицах» про ростовские события смутили души их шустрых последователей. И вот они, ничтоже сумняшеся, «сидя на рогожке, а говоря с ковра», налетели к нам в Ростов, чтобы направить дело на «правильный» путь. Прежде всего они обратились к «экономистскому» Донскому Комитету, чтобы последний дал им свою типографию. Но Комитет, конечно, ответил, что «не сеявшие не имеют права жать». И соц.-революционеры уехали «во-свояси». Очевидно, пролетарский Ростов не годится для скоропалительных настроений гг. соц.-революционеров.

28 января из Ростова отправлен на 3 года в ссылку в Вологодскую губ. по делу Донского Ком. (в 1901 г.) слесарь Ипатий Данилович Ступников.

[Л. С. Федорченко]

Эксплуатация железнодорожных служащих (из «Киевск. Соц.-Дем. Листка», № 7). Доставленные нам сведения о положении служащих в службе сборов Ю.-З. ж. д. показывают, как возмутительно эксплуатируются люди, трудом которых создается богатство этой казенной дороги.

Труд служащих здесь определен заранее, каждому назначается известная работа, вперед на целый год, считая в нем 360 дней. Таким образом, в расчет не приняты праздники, даже такие, как Рождество и Пасха. Подобная каторжная работа оплачивается нищенски: существуют оклады в 180 руб. в год, тогда как служители того же управления получают 240 руб. в год. За сверхурочную работу платят еще меньше (иногда вдвое меньше). Так, если положено за исполнение трех с половиной тыс. накладных 60 руб., то за следующие три с половиной тыс., сделанные вечером, дают 30 руб. Многие не выдерживают, уходят со службы, подают жалобы, но эти жалобы ни к чему не приводят.

Творцом этой прибыльной системы является начальник службы сборов. Управляющий Ю.-З. ж. д. Немешаев оказался не в силах воспротивиться этой эксплуатации, мале чем отличающейся от фабричной. Благотельное распоряжение его превосходительства о прекращении работ в 2 часа дня накануне праздников осталось втуне, и служащие попрежнему должны корпеть до тех пор, пока не окончат назначенного им щедрой рукой «урока». Вот откуда набираются средства на громадные оклады гг. начальников, столь ревниво высасывающих все, что можно высосать.

Стачка на сахарном заводе. В конце декабря на Александровском сахарном заводе (в с. Александровске, Чигиринск. у., Киевск. губ.) началась стачка всех рабочих — числом около 500 чел. Рабочие держались дружно и энергично поддерживали свои требования, среди которых ими было выставлено требование 8-часового рабочего дня.

1 января прибывшими на завод полиц. и жандарм. властями арестовано 180 ч. рабочих. Эта стачка, как и прошлогодняя, на Черкасском сахара-рафинадном заводе, свидетельствует о развитии классового сознания даже среди наиболее отсталых слоев русского пролетариата (из Киевск. С.-Д. Листка).

Мелитополь, Таврич. губ. Здесь с 12 на 13 февр. была разбросана масса прокламаций и гектограф. брошюр, обращенных к рабочим. Вся полиция и жандармерия на ногах; пока идут обыски только среди рабочих.

Чита. Здесь была забастовка железнодорожных рабочих. Стачка выиграна; все требования удовлетворены, были выпущены четыре прокламации.

ИЗ ПАРТИИ

Организационным Комитетом к 19 февраля издано воззвание («4 августа 1789 г. — 19 февраля 1861 г.»), в котором проводится параллель между революционным способом освобождения крестьян во Франции и оппортунистическим — в России.

Вышедший в январе № 11 «Южного Рабочего» содержит 36 столбцов довольно убогистого шрифта, так что по размерам превосходит прежние №№ этого издания. Содержание: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих». — Соц.-дем. движение в России в 1902 г. — Две стачки углекопов (Франция и Соед. Штаты). — Ростовские события. — Корреспонденции из Екатеринослава и Харькова. Фельетон: «В борьбе».

Нижегородским Комитетом изданы прокламации в декабре — «К крестьянам» и в январе — «Ростовская стачка». — Вновь образовавшийся Тульский Комитет издал воззвание «О праве сходок» (январь 1903 г.). — В течение января и февраля изданы Киевск. Комитетом «Письмо раб. жел.-дор. мастеровских», «Ко всем булочникам и хлебопекам», «Ко всем типографщикам», «Голос киевских рабочих» и «Киевск. С.-Д. Лист» № 7. — Петербургским Комит., кроме двух прокламаций по поводу стачки у Штиглица, изданы листок к 19 февраля и 2 больших, хорошо отпечатанных листка: 1) о тред-юнионизме и социализме и 2) по поводу книжки ген. Богдановича. — Иркутский Комит. выпустил листок по поводу демонстрации на лекции Кулябко-Корецкого. — Одесским Комит. издано: «Ко всем типографским рабочим и работникам» и «К раб. и работникам на табачных фабриках». — Донской Ком. издал в 5.000 экз. листок о бюджете, весьма удачно составленный.

Ко всем социал.-демократическим организациям России. Товарищи! Теоретическая приращенность программы, беззаботность и организационный разброд составили длинный смутный период в жизни нашей партии. Полная разобщенность социал-демократов и отсутствие центральной руководящей группы исключали всякую преемственность в революционной деятельности, порождали пренебрежение к вопросам теории, суживали кругозор отдельных практиков-товарищей. В связи с частыми провалами, это приводило к измельчанию типа революционера, к забвению, извращению и игнорированию руководящих начал социал-демократической доктрины, поселяло и узаконяло младенческие формы деятельности и примитивные формы борьбы. При таких условиях, истинно-революционные социал-демократы естественно должны были выделиться, чтобы очистить прекрасную, но засоренную ниву, чтобы начать беспощадную борьбу с шатаниями теории и хаосом практики. Естественно, что они должны были выставить девизом: кто не за нас, тот против нас. И этот боевой клич раздался со страниц «Искры»... Он заставил многих товарищей, плывших по течению, остановиться, забыть программное легкомыслие и отрешиться от взгляда на социал-демократическое движение — «с точки зрения своего прихода»... Не касаясь отдельных эпизодов, мы должны признать, что принципиально выдержанная, чуждая неуверенности и колебаний, «Искра» значительно способствовала уменьшению царившего сумбура. Как врач и друг, она вскрыла самые тяжкие наши язвы...

Со своей стороны, мы солидарны с «Искрой» и «Зарей» по всем вопросам программы, тактики и организации — и признаем их своими руководящими органами, а «Лигу русской революционной социал-демократии» — нашим заграничным представителем. Независимо от этого, мы признаем глгучую необходимость созыва партийного съезда.

Товарищи! Наблюдая жизнь у «источников» ее, мы видим, как стихийный подъем революционных сил опережает рост организаций, как немощна социал-демократия для того, чтобы углубить и использовать революционную энергию пролетариата, превратить назревающий смутный

дух мятежа в ясное классовое сознание. Бесспорно, что героические усилия разрозненных «кустарей» ни к чему не приведут, и эту великую и сложную задачу может взять на себя только централизованная партия, могучая своим единством, несокрушимая своей теоретической устойчивостью, дисциплинированная и стройно организованная. Неумолимая логика каждого нового факта нашей старой неподготовленности неизбежно приводит к этому выводу. И мы присоединяем свой скромный голос к хору голосов, взывающих к скорейшей организации партии.

Донской Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии ¹³.

В помеченной январем 1903 г. прокламации Сибирский С.-Д. Союз ¹⁴ объявляет о своем вступлении в Росс. С.-Д. Р. П. в качестве ее комитета. Союз объявляет о «своей солидарности с организацией «Искры» по вопросам принципиальным, тактическим и организационным» и о признании «Искры» руководящим органом.

На первом собрании Казанского Комитета Р. С.-Д. Р. П. было внесено предложение о присоединении к «Искре»; после восторженного обсуждения этого вопроса была выработана след. резолюция: «Признавая отсутствие между большинством комитетов и групп Р. С.-Д. Р. П. как теоретического, так и практического единения, вида в этом громадный вред для дальнейшего развития в России соц.-демократического дела, признавая в то же время только программу „Искры“ вполне соответствующей чистоте соц.-дем. принципов, а также и практической потребности времени, считая, наконец, организацию „Искры“ единственной, могущей объединить все современные комитеты и группы под знаменем Р. С.-Д. Р. П., Казанский Комитет постановляет принять без изменения программу „Искры“ и считать ее — „Искру“ — своим руководящим органом.

Казанский Комитет Р. С.-Д. Р. П. ¹⁵.

Нам прислано следующее печатное заявление:

Уфимский рабочий комитет, отделившись с января 1903 г. от Уральского Союза соц.-демократов и соц.-революционеров ¹⁶, пришел к заключению о необходимости революционной борьбы под руководством единой общероссийской организации. Поэтому комитет приветствует образование Организационного Комитета, поставившего целью объединить в одной организации и под одним знаменем русское рабочее движение. Он признает авторитетными для себя дальнейшие решения Организационного Комитета, так как задачи последнего и направление деятельности отвечают целям, намеченным Уфимским комитетом в минувшем январе. Для осуществления задачи объединения местных рабочих организаций, Уфимский комитет в настоящее время присоединяется к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и заявляет о своей солидарности с теоретическими воззрениями и организационными идеями «Зари» и «Искры», признавая эти органы руководящими для русской соц.-демократии.

Уфимский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Петербург. В начале февр. арестованы: Щеглов, Токарев, Полубояринов и мног. другие. — Н. - Новгород. Начиная с первых чисел февраля здесь обыски и аресты чуть не каждый день. Еще в январе арестовано несколько сормовцев. 1 февр. взята М. С. Карасева (служ. в стат.). Выехавшая в этот же день из Нижнего фельдшерца А. М. Кекишева привезена из Москвы. 3 февр. арестов. Ив. П. Ладыжников, заведующ. книжн. магазином. Из рабочих арестованы: Фадеев, Тюменев, Замятин, Постоногов, Рыбников, Воронов, Лебедев, Павлов, Баранов, Кузнецов — все сормовцы; в городе хозяева столярных мастерских Комоловы (отец и два сына) и еще несколько ремесленников. Обыски были в Бабушкинской больнице, магазине «Книжный музей», у всех губернских и некоторых уездных статистиков, а также в у. з. управе. — На Воткинском заводе арестован учитель В. Е. Кривоногов. — Москва. 14—15 февр. арест. 40 лиц: студ. Меж. инст. и др. — Ташкент. В конце декабря и начале января повальные обыски. Арестован бывший студент Михин. — Ростов-на-Дону. 3 февр. вечером на Сенной ул. арестов. случайно сапожник В. Беспалов с литературой «Свободы». Перевезен в Таганрог. С 1 февр. здесь действует охранка.

Бежал из села Тютюковского, Енисейской губ., и благополучно прибыл за границу сосланный по делу «Раб. Знамени» Давид Гершанович.

Нам пишут: «Носятся слухи, что, в виду учащающихся побегов, с проживанием по чужим паспортам, образованы летучие отряды шпионов и жандармов для разыскания нелегалов. В числе шпионов находится известный на юге Усов, долгое время бывший старшим жандармом при Одесской тюрьме и знающий в лицо не один десяток лиц».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Поправка. В статье «Нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату» (№ 34 «Искры») вкратце следующие, извращающие смысл, опечатки: на стр. 2, столб. 2, строка 34 сверху, пропущено слово «не» после слов еврей-рабочие (вместо «организованы» надо читать: не организованы). Там же на строке 38 сверху вместо: «которая должна» следует читать: «который должен» ¹⁷.

Получено: От Л. С. Т. на «Искру» 95 руб., из Берлина в пользу беглых и ссыльных по подписным листам 250 мар., из Парижа 303 фр., из — 210 фр. 30 с., из Антверпена на издание записок Павлова 18 фр. 50 с., из Цюриха за литературу 67 фр. 15 с., от Цюрихской группы 9 фр., из Винтертура за литературу 8 фр. 25 с.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Лопатин Герман Ал. (1845—1920) — известный русский революционер, народоволец, член Исполнит. Комитета партии «Народной Воли». Жизнь Л. была полна революционных приключений. Начиная с 1866 г., когда он впервые был арестован по каразовскому делу, Л. неоднократно подвергался аресту и ссылке, совершил несколько удачных побегов, вывез в 1869 г. нахолившегося в ссылке в Кадникове П. Л. Лаврова, в 1872 г. предпринял неудавшуюся попытку освободить находившегося в ссылке в Сибири Н. Г. Чернышевского. В 1884 г. Л. приезжает в Россию с целью восстановить разгромленную организацию партии «Народная Воля», но 5 октября этого года его арестуют на улице и после 3-летнего предварительного заключения приговаривают к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Каторгу он отбывает в Шлиссельбурге, откуда его освобождает революция 1905 г. Неоднократно бывая за границей, Л. вступает в ряды I Интернационала и близко сходит с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Под влиянием последних Л. приступает к переводу первого тома «Капитала» на русский язык, впоследствии законченного Н. — оном.

Прим. 2. Гартман Лев Ник. (р. в 1850 г.) — народоволец, участвовал вместе с С. Перовской в неудачном покушении 13/XI—1879 г. на жизнь Александра II посредством взрыва царского поезда (взрывом были опрокинуты два вагона со свитой без человеческих жертв). После этого Г. скрылся за границу, был опознан русскими шпионами и арестован. Русское правительство потребовало его выдачи, но французское министерство Фрейсина под влиянием подвигот социалистами кампания протестов отказало в выдаче и в 1880 г. освободило Г. из-под ареста. После этого он переехал в Англию, где был очень радушно принят Марксом.

Прим. 3. Лавелз Эмиль (1822—1892) — бельгийский буржуазный ученый, автор многих сочинений по политической экономии («Собственность и ее первоначальные формы», «Демократия и политическая экономия», «Современный социализм» и др.), примыкал к катедер-социализму и был защитником мелкого хозяйства и общинного землевладения. В своих трудах о первоначальной собственности он приводил доказательства, что право собственности пережило у разных народов различные формы, прежде чем принять ту форму, в которой оно существует в современном капиталистическом обществе. Вместе с этим он доказывал, что общинная форма земельной собственности предшествовала буржуазной собственности. Будучи защитником капиталистического строя, Л. полагал, что буржуазное государство сможет своим посредничеством в борьбе классов устранить недостатки этого строя и обеспечить победу «всеобщего блага» над личным эгоизмом, оказывая поддержку мелкому землевладению.

Прим. 4. Манифест Николая II, изданный 26 февраля, подтверждая «священный обет перед лицом всевышнего и совестью нашей свято блюсти вековые устои державы Российской» и заявляя, что «смута препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния», намечал следующие основные пункты «новой» программы деятельности правительства: 1) укрепление веротерпимости, с сохранением за православной церковью господствующего и первенствующего положения, 2) улучшение имущественного положения православного сельского духовенства, с усилением его участия в духовной и общественной жизни паствы; 3) «укрепление и развитие благосостояния основных устоев русской жизни — поместного дворянства и крестьянства» путем развития деятельности государственных кредитных учреждений, в особенности дворянского и крестьянского банков; 4) завершение трудов по пересмотру законодательства о крестьянах с привлечением к обсуждению этого законодательства в губернские совещания «достоинейших деятелей, доверием общественным облеченных». В основу пересмотра должна быть положена «неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения». Но наряду с этим должны быть изысканы меры «к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины»; 5) отмена круговой поруки; 6) реформа губернского и уездного управления «для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной и закономерной властью», «строго ответственной» перед царем; 7) «сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквях» и 8) «утверждение в семье, школе и общественной жизни нравственных начал».

Манифест, говоря о «местных людях», имел в виду не выборных от той или иной группы населения, а исключительно местных правительственных чиновников. Образовавшаяся на другой же день после издания манифеста под председательством мин. вн. дел Плеве комиссия по проведению в жизнь «новой» правительственной программы так и поняла слова манифеста. Эта комиссия из 11 правительственных чиновников, среди которых было 7 губернаторов, поставила перед собой два основных вопроса, вытекающих из манифеста: 1) о правильной постановке губернаторской власти для придания ей сильного, закономерного и строго ответственного характера; 2) об «улучшении современного управления губернией, через усиление способов непосредственного, без обращения к центральным учреждениям, удовлетворения местных нужд». Вместе с этим комиссия пришла к выводу, что губернаторам необходимо предоставить право принимать за счет земств и городов те меры, которые губернаторы признают неотложными, а также снимать с очереди обсуждения органами местного самоуправления вопросы, признанные губернатором «неуместными по отношению к порядку управления».

Прим. 5. Ферри Энрико (р. в 1856 г.) — в начале 900-х годов занимал позицию на левом крыле итальянского социалистического движения, боролся против участия социалистов в буржуазном правительстве и считался в Италии представителем ортодоксального марксизма. Впоследствии Ферри скатился к оппортунизму, соглашательству и стал высказываться за сотрудничество с либеральной буржуазией путем участия в буржуазном правительстве.

Прим. 6. Туратти Филиппо (р. в 1858 г.) — один из самых правых деятелей в итальянском социалистическом движении, убежденный реформист, сторонник классового сотрудничества пролетариата с буржуазией на протяжении своей деятельности, все дальше и дальше отходивший от социализма. Во время войны Т. стал на позицию так называемого «центра». После войны он доказал до полной поддержки буржуазии против пролетариата и в 1920 г. содействовал разгрому революционного движения итальянских рабочих, захвативших фабрики и заводы. После захвата власти фашистами во главе с Муссолини Т. своим поведением содействовал его укреплению.

Прим. 7. В порядок дня.

Прим. 8. Изложение взглядов.

Прим. 9. Символ веры.

Прим. 10. Надеждин Л. — псевдоним Зеленского Е. О. — основал революционно-социалистическую группу «Свобода» и издавал журнал того же названия (1901—1903). Группа занимала промежуточную между с.-д. и с.-р. позицию. Перу З. принадлежит несколько брошюр («Канун революции», «Церковные речи о рабочих невзгодах и волнениях» и др.). После II съезда З. примкнул к меньшевикам и участвовал в издаваемой редакцией «Искры» газете «Соц.-Демократ». Умер в эмиграции в 1905 г.

Прим. 11. Так в подлиннике. Вероятно: родится.

Прим. 12. В подлинном тексте «Искры» очевидная опечатка. Речь идет об отчете за 1902 г. (а не за 1892 г.).

Прим. 13. Донской Комитет Р. С.-Д. Р. П. возник из соц.-дем. кружков, существовавших в Ростове н/Д. еще в середине 90-х гг. Искровскую ориентацию Д. К. принимает в начале 1902 г. В это время Ростовская организация приобрела большое влияние на рабочих, вступивших на широкий путь массового движения. Растет количество кружков, растет связь с рабочими массами в Таганроге, Тихорецкой, Сулине, Новочеркасске и т. д. Незадолго до начала знаменитой забастовки во Владикавказских жел.-дор. мастерских (в ноябре 1902 г.) Д. К. удается поставить свою подпольную типографию, сыгравшую большую роль во время ноябрьской стачки. 2 марта 1903 г. Д. К. удачно организует большую демонстрацию. Во время этих событий (т. е. в конце 1902 и начале 1903 гг.) в Донской Комитет входили: Я. Д. Дабкин (С. И. Гусев «Павел Степанович»), А. С. Локерман («Адам»), Мочалов («Амвросий»), А. Н. Логачева, И. И. Ставский, Тищенко («Христофор»), А. П. Станчинский («Иван Иванович»), А. Браилковский и др. На втором съезде Д. К. был представлен Я. Д. Дабкиным (Гусев — большевик) и А. С. Локерманом (Царев — меньшевик). Во второй половине 1903 г., благодаря арестам, отъезду работников, состав Д. К. изменился. В последующие годы (1904—1905) Д. К. находился под влиянием меньшевиков.

Прим. 14. Соц.-демократические организации в разных городах Сибири существовали уже во второй половине 90-х годов. В начале 900-х годов они объединяются в Сибирский с.-д. Союз, представителями которого на II съезде партии были

Л. Д. Бронштейн-Троцкий, присоединившийся на съезде к меньшевикам, и В. Е. Мандельберг-Посадовский, голосовавший с большевиками (впоследствии перешел к меньшевикам).

Прим. 15. Соц.-дем. организации в Казани возникли очень рано; еще в 1888 г. там существовал марксистский кружок, организованный Н. Е. Федосеевым. С некоторыми членами этого кружка имел связи и В. И. Ленин. В 90-х и начале 900-х годов в Казани живут и работают в разное время с.-д. И. Х. Лалаянц, М. Полшин, А. М. Стопани, Н. Э. Бауман, А. С. Кулеш, А. К. Петров, Н. Н. Накоряков, В. Н. Залежский, Еф. Табейкин, А. И. Рыков, Н. И. Редкозубов, Н. А. Семашко, В. Е. Потресов, Н. А. Кролюницкий и др. Но работа эта долгое время носила кружковый характер. Крупные провалы казанских соц.-дем. (в 1895, 1898 и др.) очень затрудняли объединение отдельных соц.-дем. кружков, возникавших в течение 90-х годов среди рабочих (на Алафузовском заводе, среди наборщиков и пр.) и лишь в 1898 г. в Казани возникает соц.-дем. группа, которая стремится создать единую организацию, но жандармы ликвидировали эту группу, как и следующую группу, возникшую в 1900 г. И лишь в 1902 г. в Казани возникает соц.-дем. группа, которая в начале 1903 г. организует Казанский Комитет Р.С.-Д.Р.П., вынесший на первом своем заседании постановление о своем присоединении к «Искре». Во главе Комитета в это время были: Н. Н. Накоряков, Ибрагим Абуг. Ахшимов (татарин), А. Либинсон, А. П. Ямзин. Но уже в конце марта 1903 г. жандармы сделали новый набег, в результате которого Казанская организация была настолько разрушена, что нечего было и думать о посылке делегатов на II съезд Р. С.-Д. Р. П. Осенью 1903 г. Аносов, Фирсов, Лебедев, Морозов, сделали попытку восстановить Казанск. Комитет, но и они вскоре проваливаются (в декабре 1903 г.). И лишь в середине 1904 г., когда в Казань прибыли Н. Е. Вилонов (Михаил Заводской), В. В. Адоратский, Н. И. Дамнеров и Л. В. Попов, удалось восстановить разрушенную организацию.

Прим. 16. См. прим. 10-е к № 21 «Искры».

Прим. 17. Опечатки в настоящем издании нами исправлены.